

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

В. В. Синиченко, И. С. Полянский, К. С. Миклошевич

**МВД РОССИИ
И МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В СФЕРЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

ИРКУТСК

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

В. В. Синиченко, И. С. Полянский, К. С. Миклошевич

**МВД РОССИИ
И МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В СФЕРЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Учебно-методическое пособие

Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России
2019

УДК 947
ББК63.3(2) И 90

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»

Рецензенты:

А. А. Удальцов, начальник каф. истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, канд. юрид. наук, доц.;
Е. В. Суверов, проф. каф. теории и истории права и государства
Барнаульского юридического института МВД России, д-р ист. наук, проф.

Синиченко В. В. МВД России и межведомственное взаимодействие в сфере правоохранительной деятельности в начале XX века: учебно-методическое пособие / В. В. Синиченко, И. С. Полянский, К. С. Миклошевич. — Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. — 48 с.

Предлагаемое учебно-методическое пособие подготовлено с учётом требований рабочих программ по курсу «История органов внутренних дел», используемых в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации. Авторами сделан акцент на ключевых проблемах исторического развития правоохранительной системы России в начале XX в.

Предназначено для курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

УДК 947
ББК63.3(2) И 90

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Институты взаимодействия полицейских служб Российской империи	6
Глава 2. Межведомственные противоречия сотрудников полиции на востоке Российской империи: борьба с контрабандой золота, опиума, алкоголя.....	19
Заключение	43
Список рекомендуемой литературы.....	44

ВВЕДЕНИЕ

В течение продолжительного времени социально-экономическое развитие русского Востока сопровождалось незаконным перемещением через государственную границу товаров, валюты и иных предметов. Росту объёмов контрабанды способствовали тесные контакты русского Востока с Китаем и Японией, природные богатства Дальневосточного края, слабость экономического развития восточных провинций Российской империи, незащищённость полицейской силой протяжённой территории азиатской России.

На рубеже XIX—XX вв. в период появления таможенных учреждений в регионе началась борьба с нелегальным провозом товаров через дальневосточную границу. Министерство финансов России занималось вопросами таможенной политики, для чего в его составе существовали Департамент таможенных сборов и управление отдельного корпуса пограничной стражи (с 80-х гг. XIX в.), которые курировали некоторые экономические преступления, совершаемые иностранцами, например, нарушение правил акцизного устава. С 1909 г. в крае действовала и «корчёмная стража» Министерства финансов, также направленная на пресечение незаконного ввоза алкогольной продукции (бутлегерства).

Вопросы взаимодействия специальных полицейских служб экономического ведомства (Министерства финансов) и чинов общей и железнодорожной полиции однако до сих пор остались за пределами внимания историков и юристов.

Целью настоящей работы является проведение исследования взаимодействия полицейских служб министерства финансов и МВД России на Дальнем Востоке в начале XX в.

Поставленная цель предполагает решение нескольких задач.

Во-первых, изучить процесс становления оперативных служб министерства финансов России в начале XX в., выявление их роли в выполнении правоохранительных задач.

Во-вторых, рассмотреть формирование правовых основ уголовной и административной ответственности за трансграничные преступления в начале XX в.

В-третьих, определить степень и эффективность межведомственных совещаний для разрешения противоречий, возникавших в деятельности полицейских служб Министерства финансов и МВД.

Достижение поставленной цели и задач стало возможным на основе привлечения письменных источников различных видов.

В работе использовались делопроизводственные материалы — циркуляры и разъяснения различных ведомств (министерств внутренних и иностранных дел, финансов, департамента торговли и мануфактур, таможенных сборов, хозяйственного департамента, главного штаба). Эти документы содержат толкование норм имперского законодательства и детализация правоприменительной практики со стороны полицейских служб МВД и Министерства финансов России в период с 1900 по 1917 гг.

Значительное количество материалов этого вида содержится в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ). Особый интерес представляют фонды учреждений, осуществлявших кон-

троль над деятельностью специальных полицейских служб на российском Дальнем Востоке.

Ко второй группе использованных в настоящей работе письменных источников относятся архивные материалы, в которых содержатся как источники законодательного-распорядительного характера, так и делопроизводственные материалы и статистика. Прежде всего они представлены документами Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской империи (АВПРИ).

Материалы этих дел помогли, в первую очередь, получить дополнительную информацию о законодательных актах, которые определяли специфику правоохранительной деятельности в регионе, проанализировать указы приамурского генерал-губернатора об усилении борьбы с теми или иными правонарушениями в трансграничной зоне, распоряжения министра иностранных дел С. Д. Сазонова по трансграничным проблемам, понять суть русско-китайских совместных правоохранительных конвенций, определить характер борьбы оперативных служб министерства финансов России с бутлегерством и контрабандой наркотиков в регионе, узнать о характере реорганизации полицейских служб в регионе.

Многочисленные проекты по предупреждению преступлений на границе и борьбы с ними отложились в фондах Государственного архива Иркутской области (ГАИО). В них находится информация о нормативно-правовой базе, в рамках которой действовали оперативные полицейские службы Министерства финансов России, а также излагается информация о борьбе оперативных полицейских служб Министерства финансов России с вывозом золота из страны в годы Первой мировой войны.

Впервые вводится в научный оборот информация о коррупционной связи хабаровского полицмейстера Караулова, трёх полицейских надзирателей, двух околоточных надзирателей, трёх городских с китайскими преступниками. Через китайцев-переводчиков ими взыскивались сборы в пользу полиции Хабаровска с игорных домов, притонов для игры в кости и опиекурилен. Материалы дела свидетельствуют о том, что оперативные службы министерства финансов России вскрыли преступное сообщество в рядах общей полиции и пресекли совместно с прокуратурой эту коррупционную деятельность.

Анализ этих дел дал нам информацию о том, что в разработку губернского жандармского управления попали китайские сыщики, которых привлекали на службу российские правоохранительные структуры. Жандармы выяснили, что многие китайцы, знающие русский язык, работали не на полицию, а на китайский преступный мир. Их интересовала контрабанда золота и драгоценных металлов, которая носила организованный характер и совмещалась с бутлегерством — незаконным ввозом из китайской Маньчжурии спирта на территорию азиатской России. Вблизи сибирских и дальневосточных приисков торговцы спиртом продавали свой товар, плата за который производилась не только деньгами, но и украденным с прииска золотом. В разработке жандармов находились сотрудники горной полиции (ведомственная полиция Министерства торговли и промышленности), которые по разным причинам не препятствовали этой деятельности.

Таким образом, выявленные в архивохранилищах нашей страны документы разных видов достаточно информативны для освещения исследуемой темы.

Глава 1.

ИНСТИТУТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ СЛУЖБ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Долгое время в Российской империи формой координации деятельности различных ведомств были «особые междуведомственные совещания».

На центральном столичном уровне межведомственные совещания проходили в рамках текущих и экстренных заседаний Кабинета и Совета министров (с 1906 г.). На региональном — с 1907 г. — междуведомственные совещания проходили между представителями ведомств на уровне генерал-губернатора, который в силу целого ряда причин поддерживал чаще всего позицию министерства внутренних дел.

Представители различных министерств и ведомств, к сожалению, долгое время не проводили межведомственные совещания на региональном уровне. Это приводило к тому, что подразделения функционировали самостоятельно, в прямой зависимости от своих центральных учреждений и только косвенно подчинялись генерал-губернатору. Время от времени между ними возникали различные трения, что вело к несогласованности их действий и отрицательно сказывалось на управлении краем. А главное, при таком порядке решение важных и неотложных вопросов растягивалось на годы. Предложение генерал-губернатора направлялось в соответствующее министерство или ведомство, которое, в свою очередь, запрашивало мнение своего представителя в регионе. В случае положительного решения ведомство обращалось в Комитет министров (до 1906 г.). Если предложение касалось изменения законодательных положений или было связано с финансированием, то с 1906 г. оно выносилось на обсуждение Государственной думы.

Министры в XIX в. входили в состав Комитета министров — высшего административного органа, который являлся одновременно совещательным органом императора и высших доверенных чинов.

В основе жизнедеятельности министерств был положен принцип бюрократического централизма. Министры отчитывались только перед императором и давали членам Государственной думы лишь пояснения о своей деятельности. Никакого ¹прямых воздействия в отношении министров законодательная власть не имела¹.

МВД, во второй половине XIX — начале XX вв. было обширным ведомством, выполняющим функции гражданского управления, сыска и следствия. Структура и полномочия МВД были определены такими актами, как «Учреждение Совета Министров» (Св. зак. Т. 1. Ч. 2. С. 143—150); «Учреждения министерств», «Учреждение МВД», «Положения о выборах в Государственную Думу», «Устав духовных дел иностранных исповеданий», «Кредитный

¹ Шинджелишвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. (Структура, функции, реакционная сущность, связь с другими министерствами): учеб. пособ. — Омск: ОВШ МВД СССР, 1974. — С. 4—6.

установ», «Устав о промышленности», «Почтово-телеграфный устав», «Строительный устав», «Положения и правила о взаимном страховании», «Устав об обеспечении народного продовольствия», «Устав об общественном призрении», «Врачебный устав», «Устав о цензуре и печати», «Устав о предупреждении и пресечении преступлений», «Устав уголовного судопроизводства»².

Итак, ведению министерства подлежали полиция, жандармерия, почта и телеграф. Министерство внутренних дел также осуществляло сбор статистических данных внутри империи, контролировало духовные дела иностранных исповеданий, а также осуществляло общественное управление. МВД являлся органом исполнительной власти. Формально министр мог решать многие дела самостоятельно, пользуясь правом всеподданнейшего доклада. Кроме того, министр внутренних дел имел право удалить от службы любого чиновника государства. Однако в реальности министр редко пользовался своими широкими полномочиями. Лишь мелкие дела он разрешал самостоятельно, а по серьёзным испрашивал одобрение Комитета министров (а с 1906 г. — Совета министров)³.

В состав МВД входили сам министр, его товарищи (заместители), Совет министра, Совет по делам местного хозяйства, Главное управление почт и телеграфа, Главное управление по делам печати, Главное управление по делам местного хозяйства, Департамент полиции, Департамент духовных дел иностранных исповеданий, Управление главного врачебного инспектора, Департамент общих дел, Земский отдел, Управление по делам воинской повинности, Ветеринарное управление, Канцелярия министра. Существовал еще хозяйственный департамент, переданный с 1906 г. в ведение Министерства торговли и промышленности⁴.

4 марта 1906 г. из этого департамента было образовано отдельное ведомство — Главное управление Землеустройства и Земледелия (далее — ГУЗиЗ). В состав ГУЗиЗ входил главноуправляющий, его товарищ, управление государственным и императорским имуществом. В распоряжении ГУЗиЗ было руководство крестьянским и поземельным банками. Деятельность ГУЗиЗ была тесно связана с деятельностью МВД. Если ГУЗиЗ заведовало организационно-технической стороной землеустройства, в том числе и иностранных поселенцев и промысловиков, то МВД осуществляла над ними административно-полицейский контроль.

Структура полиции в регионе была следующая. Полиция в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России была ведомственной и государственной. Последняя делилась на общую (уголовную) и политическую (жандармерия). Государственная полиция края подчинялась генерал-губернаторам, а в период 1903—1905 гг. — наместнику на Дальнем Востоке. Во втором эшелоне иерархии МВД стояли военные и гражданские губернаторы Забайкальской (1851—1917), Приморской (1856—1917), Амурской (1858—1917), Сахалинской

² Шинджихашвили Д. И. Указ. соч. С. 15.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

(1909—1917), Камчатской (1851—1856; 1909—1917) областей и Владивостокского военного губернаторства (1880—1888). Другими высшими чинами МВД в крае были Кяхтинский градоначальник (1851—1863) и начальник острова Сахалин (1884—1909).

На третьем уровне иерархии полицейских структур стояло уездное начальство. Оно было представлено начальниками участков (Сахалинская область), округов, уездов (Приморская область). Отдельно стояла городская полиция во главе с полицмейстером. Наконец, существовала вне этой иерархии особая ведомственная (горная, казачьи части, с 1900 г. горно-полицейская стража, портовая) полиция, подчинённая своим начальникам и генерал-губернаторам. По мере строительства железных дорог, с 1891 г. в крае появились жандармско-полицейские управления. Например, Уссурийская ЖПУ. Одновременно в крае действовали окружные жандармские управления (Иркутское ГЖУ, Восточно-Сибирское окружное ГЖУ). В военных крепостях полицейская деятельность была в ведении командира крепости, который опирался на охранный отдел и так же, как и начальники ЖПУ, сносился по вопросам служебной деятельности с товарищем министра внутренних дел⁵.

Министерство финансов занималось вопросами таможенной политики, для чего в его составе существовали Департамент таможенных сборов и Управление отдельного корпуса пограничной стражи (с 80-х гг. XIX в.). Министерство торговли и промышленности ведало вопросами внешнеторгового оборота страны, а также проблемами торгового мореплавания.

Министерство финансов (далее — МФ) России также имела своим составе «специальные» полицейские службы: акцизный надзор, корчёмную стражу и горно-полицейское управление.

В ведении горного инженера находилась горно-полицейская стража.

Деятельность горной полиции в зоне горных приисков в начале XX в. на востоке России.

На Дальнем Востоке ограничения по привлечению иностранных рабочих в пограничную зону, связанную с горной добычей были сняты в конце XIX в. — в 1897 г. и первые горно-полицейские подразделения стали действовать в регионе с 1900 г., когда крупные горнодобывающие районы были выделены в горные округа — Амурский, Приморский, Уссурийский.

Горно-промысловые округа были созданы и в других частях азиатской России: Томском, Иркутском и Уральском горных управлениях.

Территория Сибири разделялась на Западно-Сибирскую и Восточно-Сибирскую горные области. В Западно-Сибирской горной области определялось семь округов: Мариинский, Алтайский, Северо-Енисейский, Южно-Енисейский, Красноярский, Канский, Ачинский и Минусинский. В Восточно-Сибирской горной области было три округа: Бирюсинский, Витимский и Олёкминский.

⁵ Шелудько В. О. Из истории полиции // Россия и АТР. — 2000. — № 3. — С. 106—112.

Дальневосточные и восточно-сибирские горно-полицейские подразделения возглавлялись горными исправникам, которые подчинялись в своей деятельности Иркутскому и Приамурскому генерал-губернаторам. Горный исправник как руководитель администрации был единственным представителем полицейской власти на частных золотодобывающих предприятиях. В его распоряжении находилась горно-полицейская стража. Согласно Инструкции от 17 июля 1901 г. «О горно-полицейской страже на золотопромышленных промыслах в губерниях Оренбургской, Пермской, Томской, также в губерниях Степного, Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств» стража создавалась конная и пешая, состоящая из горно-полицейских урядников и стражников. Стражники подчинялись урядникам. Сотрудники стражи определялись из вольнонаёмных лиц и приводились к присяге на верность службе.

Денежное содержание чинам стражи устанавливалось генерал-губернатором и губернатором, однако правительство определило границу окладов, которую нельзя было повысить.

В областях Приамурского генерал-губернаторства восемьсот рублей получал урядник и четыреста восемьдесят рублей — стражник. В восточно-сибирских губерниях и местностях денежные суммы для урядников варьировались от шестисот до семисот двадцати рублей, а для стражников сумма была одна — четыреста двадцать рублей. Оклады эти могут показаться незначительными, если не учитывать того, что они получали от золотопромышленников ещё дополнительные средства.

Исправник должен был обращать особенно внимание и содействовать всем зависящим от него средствам к прекращению похищения и незаконной продажи золота, а случае обнаружения такого преступления арестовать виновных. При проверке суточных записей в шнуровых книгах добытого золота сотрудниками проводился расспрос рабочих о находке самородков. Стражники проводили первичное освидетельствование золотников и долей золотого песка, контролировали отправку его в лабораторию и следили за тем, чтобы слитки были заводского изготовления, а не самодельные.

Инспектор обязан был наблюдать, чтоб на приисках и в населённых пунктах вблизи золотых промыслов, а также на дорогах, ведущих к ним, была запрещена продажа и разнос спиртных напитков, и чтобы золотопромышленник не давал рабочим вин в счёт заработной платы. В случае обнаружения незаконной продажи вин исправник должен был составить протокол с приглашением понятых, продажу вина закрыть немедленно, а после этого донести о противоправной деятельности виноторговцев губернатору с первой же почтой⁶.

Тема деятельности корчёмной стражи на Дальнем Востоке в начале XX в. ранее затрагивалась в отдельных исследованиях таможенной деятельности России на Дальнем Востоке⁷.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

⁷ *Беляева Н. А.* 100 лет таможенной службе на Дальнем Востоке // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 1999. — № 2; *Печерица В. Ф.* Некоторые аспекты ста-

Отметим, что акцизное ведомство входило в исследуемый период в состав Министерства финансов и выполняло, помимо прочих, силовые функции. В частности, некоторым его чиновникам полагалось при себе иметь табельное оружие.

«Корчёмная стража», как новая государственная служба и как особое подразделение Акцизного управления Министерства финансов, была создана 16 октября 1862 года, а 24 февраля 1911 года она появилась в Приморской и Амурской областях. Её штат насчитывал 200 кормчих объездчиков и 50 акцизных контролёров. Объездчики получали форменную одежду с медным знаком на груди, вооружены они были винтовкой, револьвером и шашкой, среди средств передвижения имелись две моторные лодки. В «Положении о кормчей страже в Амурской и Приморской областях» говорилось, что досмотрщики, набирались в таможню «предпочтительно из запасных воинских чинов в возрасте от 21 до 30 лет, безупречного поведения, грамотные, вполне здоровые».

Кормчая или корчёмная (в разных документах использовались различные наименования) стража создавалась «...для предотвращения ввоза из-за границы контрабандных предметов, подлежащих акцизу»⁸. Посты её были размещены позади таможенной линии, на расстоянии 50—100 и более вёрст друг от друга, состав поста — 3—5 человек⁹.

Таким образом, полицейские службы находились под контролем двух ведомств — Министерства внутренних дел и Министерства финансов (а после выделения из состава последнего Министерства торговли и промышленности).

Учитывая, что полицейские службы были в подчинении нескольких ведомств России, и что отсутствие координации их деятельности снижало эффективность работы российской администрации, П. А. Столыпин в 1907 г. ввёл новый порядок рассмотрения вопросов по управлению, требующих законодательного решения или согласованных действий двух или большего числа министерств. При генерал-губернаторе того или иного региона создавалось особое междоведомственное совещание, в состав которого входили представители министерств и ведомств, которым они давали указания, какого мнения держаться при обсуждении. Результаты совещания направлялись, затем непосредственно в Совет министров. На совещаниях Совмина, как и на заседаниях Комитета по заселению Дальнего Востока, председательствовал глава Совета министров — П. А. Столыпин, а затем В. Н. Коковцев. Участвовали в совещаниях министры финансов и внутренних дел, а также ряд высших чиновников того или иного министерства, в зависимости от обсуждаемого вопроса.

Канцелярия Совета Министров вела записи в «Журналах особых совещаний». Они представляли собой сборник подшитых бумаг — краткую историческую справку обсуждаемого вопроса, записи сути выступлений участни-

новления таможенной службы на Дальнем Востоке в начале XX в. / В. Ф. Печерица // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 1997. — № 1. — С. 120—125; Печерица В. Ф. Таможенная политика на Дальнем Востоке в начале XX в. / В. Ф. Печерица // Учен. зап. Влادивосток. фил. Рос. тамож. Акад. — Владивосток, 1996. — Вып. 1. — С. 56—62.

⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11/3. Д. 222. Л. 37.

⁹ Там же. Л. 39.

ков совещания и решения последних. Заключение совещания отсылались на утверждение царю. Не известен случай, когда бы Николай II не согласился с мнением комиссии, обычно он их утверждал.

Итак, полицейские службы имелись в составе нескольких министерств России — прежде всего МВД и Министерства Финансов (МФ). Для урегулирования взаимодействия полицейских служб империи созданы были меведомственные особые совещания. Как правило, накануне совещаний высшие чиновники заинтересованных ведомств обращались к руководителю Совета Министров или специального комитета с весьма секретными или доверительными письмами, в которых высказывали свою точку зрения на ту или иную проблему. Если у представителей различных ведомств возникали разногласия, Совет обсуждал их в специальных меведомственных совещаниях, а затем выносил свое окончательное решение, которое предоставлялось на санкцию высшей, т. е. императорской власти.

Особым инструментом интересов ведомств являлись выделяемые центром финансовые ресурсы. При обсуждении проблем распределения бюджета ведомств на востоке страны постоянно шли споры между различными министерствами. Так, Министерство внутренних дел (МВД) России, пытаясь добыть средства на обустройство дальневосточного края и, в частности, управления процессом миграции в край китайского и корейского населения получили в 1888 г. право на обложение китайско-корейских мигрантов особыми пошлинами и расходование этих средств по собственному усмотрению.

Вопрос специализации паспортно-визового сбора с китайцев и корейцев обсуждался в 1897 г., причем министр финансов (далее МФ) в отзыв министру внутренних дел (далее — МВД) от 29 апреля 1897 г. за № 3433 предложил паспортный сбор обращать в доход казны, расходы же по надзору за мигрантами осуществлять за счет казначейства.

Представители региональных структур и МВД в ответ отмечали, что китайское правительство, неоднократно, поднимало вопрос о несправедливости и несоответствии дружественным отношениям соседних стран взимания с китайских подданных паспортного налога, которому не подлежат другие проживающие в регионе иностранцы. Единственным аргументом, к которому прибегали российские власти, объясняющие сложившееся положение дел, стало то, что деньги расходуются на самих же китайцев — обеспечение их санитарного контроля, безопасности и пр. Учитывая это обстоятельство представители МВД не находили возможным изъять это право из ведения МВД в состав которого входило врачебное ведомство и санитарный контроль и передать право взимания этого сбора чиновникам МФ¹⁰.

В 1898 г., по инициативе министра финансов (МФ) заново было предложено зачислять собираемые пошлины в доход казны, а расходы производить по смете МВД. Но после упорной борьбы по этому вопросу министра финансов с министром внутренних дел и недовольным подобным предложением ми-

¹⁰ АВПРИ Ф. Китайский стол. Оп. 491 (1902—1915). Д. 2755. Л. 2.2 об.

нистром внутренних дел сбор с китайцев и корейцев было решено в 1900 г. производить на старых основаниях.

С 1901 г., согласно журналу Департамента государственной экономики, упомянутый сбор проходил исключительно по сметам МВД.

Тем не менее, министр финансов 23 марта 1902 г. в письме направленном в МВД за № 3864 снова предложил «...сбор с билетов, выдаваемых прибывающим в край китайцам и корейцам» передать в казначейство министерства финансов.

Министерство финансов отмечало, что в период с 1898 по 1902 г. в Амурской и Приморской областях поступило паспортного сбора на сумму 61 815 руб. Получив эти деньги, региональные подразделения МВД проявили неэффективность в их использовании. Только на изготовление и выдачу документов было израсходовано 35 974 руб.

Что же касается внештатных расходов (санитарные меры, презрение немущих и пр.) то они не были показаны в отчете, да и не поддавались ревизии, что вызывало подозрение в их целевом использовании.

МФ предлагало в 1902 г. изучить потребности корейцев и китайцев, требующие расходов и установить в законодательном порядке постоянные оклады сбора с китайского и корейского населения. Кроме того, министерство хотело «все поступления и расходы за счет китайцев и корейцев подчинить ревизии Государственного Контроля»¹¹.

Однако МВД упорно сопротивлялось и блокировало рассмотрение этого вопроса. Лишь 4 августа 1909 г. состоялось совещание специальной комиссии Совета Министров, на которой обсуждался вопрос «О дальнейшем сохранении в силе некоторых временных мер, касающихся допущения и каботаж в водах Приамурского края и обложения проживающих в нем китайцев и корейцев».

В отношении обложения китайцев и корейцев паспортным сбором комиссия нашла необходимым передать его из ведения МВД в ведение Министерства Торговли и Промышленности¹².

Еще одной из тем интересовавших МВД был вопрос о выработке мер по применению азиатского труда в золотопромышленности.

Неограниченный приток китайских рабочих привел к повсеместному распространению хищнической добычи драгоценных металлов. Золотничковым (кустарным) способом промышляло в крае на 1900 г. 6 000 китайцев. Поэтому Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков действуя от имени МВД 11 декабря 1900 г. подтвердил постановлением ограничение допуска китайских рабочих в золотопромышленность 50 % от общего числа работников. В феврале 1901 г. горный департамент, учтя тот факт, что китайцы занимались массовым хищением золота и контрабандой его в Китай (1,5 млн руб. ежегодно) высказался за полное запрещение использования труда китайцев в отрасли¹³.

¹¹ АВПРИ Ф. Китайский стол. Оп. 491 (1902—1915). Д. 2755. Л. 2об-3.

¹² АВПРИ Ф. Китайский стол Оп. 491 (1902—1915). Д. 2755. Л. 175—76.

¹³ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 923. Л. 42—43.

МВД предлагали вести борьбу с китайским трудом в золотопромышленности как путём создания квот на применение «жёлтого труда» в той или иной отрасли края, так и модификацией паспортно-визового режима.

Однако реально преступить к принятию законов, ограничивавших применение «китайского труда» и предпринимательскую инициативу подданных Цинской империи, российские ведомства смогли только после окончания Русско-японской войны 1904—1905 гг.

За 1905—1910 гг. властями одной Приморской области было установлено 12 тыс. 820 случаев безбилетного проживания китайцев и 1 тыс. 197 случаев незаконного присутствия корейцев. В 1911 г. надзором было выявлено 9 тыс. 999 случаев китайской незаконной миграции и 573 корейской. В том же 1911 г. из Амурской области было выдворено 2 тыс. 692 безбилетных китайца, а в Забайкальской области за 1905—1911 гг. был зафиксирован 2 тыс. 171 случай безбилетного проживания. О стремлении азиатских мигрантов избежать правил регистрации свидетельствовало то, что штраф составлял 50 % общей суммы собранных с них налогов в Забайкальской области и до 60 % в Амурской¹⁴.

Учитывая это, МВД России ратовало за расширение штатов местной администрации и юридическое ограничение иностранного труда, введение дополнительной паспортной и визовой регламентации для жителей сопредельных азиатских стран.

Позиция Министерства финансов и других противников ограничения аренды и применения «жёлтого труда» в сельском хозяйстве состояла в том, что его нужно не запрещать, а использовать в государственных целях, пополняя казну и укрепляя край¹⁵.

Тем временем 25 марта 1908 г. указом Приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергерта опиекурильни и игорные дома китайцев были обложены ежемесячной официальной платой-штрафом в размере 3 тыс. руб.¹⁶. Согласно постановлению Совета министров от 29 июля 1908 г. стало возможным владельцев нелегальных игорных домов, притонов и опиекурилен (которые не платили штраф в 3 тыс. руб. ежемесячно) привлекать к уголовной ответственности (ст. 431 «Уложения о наказаниях»). Как правило, эта статья предполагала трёхмесячное тюремное заключение и последующую высылку за границу¹⁷.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1056. Л. 36.

¹⁵ *Сорокина Т. Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.). — Омск: ОмГУ, 1999. — С. 155—156.

¹⁶ Там же. С. 86.

¹⁷ *Решетнев И. А.* Деятельность органов государственной власти Российской империи по борьбе с правонарушениями иностранных подданных азиатских стран в Дальневосточном регионе (1858—1917 гг.): дис... канд. ист. наук. — Иркутск, 2007. — С. 118.

В марте 1910 г. на имя Приамурского генерал-губернатора поступило сообщение от акцизного надзора о том, что в Хабаровске с разрешения полиции открыто 17 игорных домов¹⁸.

Стремясь зафиксировать эту цифру и не допустить соседства официально открытых и нелегальных притонов, 7 мая 1910 г. П. Ф. Унтербергер издал очередной Указ, согласно которому домовладельцев, которые предоставляли помещения иностранцам для нелегального открытия притона, ждало тюремное заключение на три месяца или 3 тыс. руб. штрафа. По сути, на российских домовладельцев была возложена задача следить за своими постояльцами¹⁹.

Не только низшие чины занимались поборами среди многочисленных тайных притонов, но и полицмейстеры и их ближайшие помощники через китайцев-переводчиков получали взятки с опиекурилен.

В августе 1912 г. военным губернатором Приморской области на имя прокурора Иркутской судебной палаты на основании заключения было направлено представление об обвинении и придании суду хабаровского полицмейстера Караулова, полицейских надзирателей Шураева, Михалевского, Вольдейта, околоточных надзирателей Богданова, Ерёмина, городских Чернышева, Шевченко и Кирилюка по ст. 377 и 378 Уложения о наказаниях. С помощью китайцев-переводчиков Лю-той-чан и Ху-ло-ба ими взыскивались сборы в пользу полиции Хабаровска с игорных домов по 2 руб. 60 коп. в день; с притонов для игры в кости и опиекурилен (в количестве 38) — от 1 руб. 50 коп. до 4 руб. в месяц с каждой. Из собираемых таким образом денег полицмейстер получал доход до 600 руб. в месяц, каждый из трёх надзирателей — по 150 руб., а также денежные вознаграждения имели околоточные надзиратели, секретарь полиции, управделами, письмоводители и городовые²⁰.

Коррупционное покровительство торговле опиём было настолько сильно, что, как свидетельствуют документы, попытки некоторых низших чинов полиции на свой страх и риск производить задержание и дознание были безуспешны²¹.

Коррупционные возможности полиции и поборы ими китайского населения определялись существовавшим тогда циркуляром МВД, обязывавшим китайцев сдавать свои визированные национальные паспорта в полицейские участки, без чего они не допускались к работам.

За нарушение предписания полагалось 3 месяца тюрьмы или 3 тыс. руб. штрафа²².

Для китайцев проживавших в городах Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске, Николаевске и Никольск-Уссурийском, согласно постановлению от 12 апреля 1912 г. № 20, вводились личные книжки, стоимость которых сос-

¹⁸ ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 708. Л. 19.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 708. Л. 23, 27.

²¹ Синиченко В. В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX-начале XX веков. Иркутск: ВСИ МВД России. 2003. С. 93.

²² АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 999. Л. 63; 71.

тавляла 2 руб. 75 коп. Кроме того, в городах с китайцев и корейцев взимался больничный сбор (наравне с россиянами). «Жёлтые» рабочие на приисках были обязаны приобретать личные трудовые книжки. При их приобретении и уплачивался больничный сбор²³.

Однако против запретительных паспортно-визовых инициатив выступил министр торговли и промышленности, который рекомендовал отложить внесение законопроекта о паспортно-визовых правилах в регионе в Государственную думу²⁴.

Учитывая разногласия МВД и МИДа, Совет министров рекомендовал доработать законопроект²⁵.

22 декабря 1913 г. МТиП был внесён на рассмотрение Государственной думы законопроект об организации найма рабочих-иностранцев на горные промыслы²⁶.

Необходимым средством установления контроля над азиатскими рабочими-мигрантами МВД признавало выдачу билетов на жительство непосредственно на границе. При этом министр отмечал, что ст. 1. русско-японского соглашения 1907 г. и ст. 1084. Собр. узак. от 29 августа 1907 г. российская сторона обещала, что сборы и пошлины с заграничного паспорта не будут превышать 50 коп. в пользу казны за выезд, а не право въезда в Россию²⁷.

В апреле 1914 г. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти в докладной записке председателю Совета министров И. Л. Горемыкину предложил издать в срочном порядке новые паспортно-визовые правила, но противники снова выступили против издания общего миграционного закона²⁸.

В целом в 1914 г. интересы МВД противоречили интересам МТиП, стремившегося привлечь китайский труд в железнодорожное строительство, в частности на достройку Амурской железной дороги, которая была завершена только в 1916 г.

В августе 1914 г. по линии МВД в Иркутск и Хабаровск был спущен ряд директив по принятию мер по борьбе с китайскими шпионами Германии и Австро-Венгрии. Региональная администрация в лице генерал-губернатора Приамурского края поспешила воспользоваться неразберихой в первые месяцы войны и провести в жизнь свои планы. Постановлением № 635 от 23 октября 1914 г. приисковой администрации под страхом уголовного наказания воспрещалось допускать проживание беспаспортных китайцев и корейцев.

Отметим, что в годы Первой мировой войны резко усилился контрабандный вывоз золота из воюющей России, и поэтому указом царя от 15 ноября 1914 г. был запрещён вывоз золота за границу и изменено судебное пресле-

²³ Волохова А. А. Попытки принятия закона о регулировании китайской и корейской иммиграции на русский Дальний Восток в начале XX в. // О-во и гос-во в Китае: 26-я науч. конф. — М.: РАН ИВ, 1995. — С. 83.

²⁴ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1056. Л. 47, об. 49.

²⁵ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 750. Л. 128.

²⁶ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1060. Л. 3.

²⁷ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1056. Л. 28.

²⁸ Там же. Л. 21.

дование за контрабанду. На основании указа министр финансов разрешил выдавать из средств казны, применительно к ст. 1168 Уст. Там., денежные награды за задержание золота в размере 5 % стоимости конфискованного золота, но не свыше в каждом отдельном случае 750 руб.²⁹.

Учитывая внимание центральных властей к проблеме контрабанды золота, военный губернатор Амурской области 2 апреля 1915 г. в распоряжении № 924 чинам полиции Амурской области предписывал: «Предлагаю установить самое тщательное наблюдение за вывозкой золота за границу и вообще за его пересылкой и перевозкой, имея в виду безусловное исполнение именно-го указа от 15 ноября 1914 года, опубликованного в № 316 «Собрания узаконений и распоряжений Правительства». Виновных в нарушении правил по означенному предмету немедленно привлекать к законной ответственности, донося об этом мне. Особенно надлежит наблюдать за китайцами и евреями. Вместе с тем поручаю немедленно донести мне, сколько было случаев привлечения к ответственности лиц, занимавшихся скупкой золота и отправкой его за границу»³⁰.

Ввиду чрезвычайных обстоятельств 1 июня 1915 г. Россия воспретила вывоз золота за границу на всякую сумму³¹.

Отныне против виновных в контрабанде золота дела должны быть направляемы по правилам Таможенного устава по п. 2. ст. 1045 и ст. 1065 Уст., в окружной суд, который взыскивал с контрабандистов, сверх конфискации золота, двойную стоимость его³².

Золотопромышленники, напротив, всеми способами боролись за допуск к работам китайцев и корейцев. Так, совет съезда Зейских золотопромышленников телеграфировал в МИД в конце 1914 г., что национальные паспорта китайских рабочих не удостоверяют личности владельцев, поскольку они ими свободно обмениваются. Поэтому Совет съезда золотопромышленников Зейского горного округа ходатайствовал об отмене изданных Приамурским генерал-губернатором правил, которые обязывали китайского рабочего сдать визированный национальный паспорт. Предприниматели просили допускать иностранных рабочих лишь по русскому билету на жительство. При этом рекомендовалось продлить срок его действия на два года. 10 ноября 1914 г. комиссия по золотым делам предложило принять меры «по облегчению допуска китайских отходников на золотые промыслы Приамурья». Для этого рекомендовалось создать особое «Бюро китайских приисковых рабочих», которое бы вербовало китайцев на работу в Россию. Было предложено отменить визирование китайского национального паспорта и разрешить отсрочку в выборке русского ½ годового билета на жительство. Однако 6 мая 1915 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков, выступил за полное запрещение найма китайцев и корейцев на фабрики и заводы России³³.

²⁹ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 3. Д. 36. Л. 52.

³⁰ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 3. Д. 17. Л. 249.

³¹ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 3. Д. 36. Л. 52.

³² Там же. Л. 57.

³³ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1059. Л. 1.

МФ и МТиП наоборот выступили за допуск китайских, корейских и японских рабочих. Правда, свои предложения по допуску азиатских рабочих они ограничили только отраслью золотопромышленности.

Учитывая разногласия министерств, было принято решение обсудить эту проблему на межведомственном совещании при МТиП, а потом внести вопрос на разрешение Совета министров³⁴.

22 июля 1915 г. к председателю Совета министров И. Л. Горемыкину обратился председатель Особого совещания, образованного «по высочайшему повелению» для объединения мероприятий по обеспечению армии. Он просил допустить азиатских рабочих в Криворожский металлургический и Донецкий угольный бассейны³⁵. Данное письмо было обсуждено в Совете министров 30 июля 1915 г. Совмин посчитал, что при всей нежелательности «жёлтого труда», в силу чрезвычайных обстоятельств придётся допустить в край иностранных рабочих.

В особый журнал Совета министров от 30 июля 1915 г. была внесена запись о временной отмене паспортных стеснений для рабочих «жёлтой расы». Но поскольку практика приезда при предъявлении национальных паспортов была международной, собрание решило отменить российский билет (вид) на жительство³⁶.

Решение об отмене паспортно-визовых ограничений на русско-китайской границе объясняется не только давлением золото- и платинопромышленников, но и реалиями военной обстановки. Промышленность России нуждалась в дешёвых рабочих руках³⁷.

Но в силу ведомственных интересов это не интересовало МВД, которое в лице Приамурского генерал-губернатора сопротивлялось миграции китайско-корейской рабочей силы.

21 мая 1916 г. глава края, снова по линии МВД, ходатайствовал о запрещении допуска китайских рабочих на золотые промыслы Приморья³⁸.

Совещательная контора золото- и платинопромышленников выступила с опровержением заявлений Н. Л. Гондатти. Отмечая, что не все китайцы — шпионы, представители бизнеса подчёркивали, что их отрасль даёт в Приамурском регионе 34 % общеимперской добычи золота. Поэтому они предлагали продолжить политику либерализации пропускного режима.

Рекомендовалось пропускать китайцев по национальным паспортам, визировать их на самих золотопромышленных предприятиях с перечислением оттуда же необходимых пошлин. Две недели китайцы могли проживать в России бесплатно, а потом приобретали бы за 5 руб. русский билет на полгода. Золотопромышленники обещали еженедельно докладывать о численности

³⁴ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1060. Л. 7.

³⁵ Там же. Л. 5.

³⁶ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1059. Л. 8.9.

³⁷ Там же. Л. 183.

³⁸ Там же. Л. 182.

своих рабочих, а по окончании их работы высылать паспорт китайца в горно-полицейские управления³⁹.

6 сентября 1916 г. Совет министров принимает решение поставить дело найма китайцев на поток и решает возложить организацию и надзор рабочей иммиграции на управление КВЖД. Китайцы освобождались от выборки русского паспорта, перевозились четвёртым классом в Россию, получали в пути следование бесплатное довольствие и медицинскую помощь⁴⁰.

Итак, экономическая необходимость заставляла российские власти, несмотря на возражения МВД, идти в годы Первой мировой войны на нарушение миграционного законодательства с целью поощрения азиатской и прежде всего китайской трудовой миграции.

Итак, ведомственные интересы (частично или полностью совпадавшие с экономическими потребностями государства и общественных групп) определяли конъюнктурность политики России в отношении иностранных капиталов и миграции на востоке страны. Российские власти (представленные различными министерствами, пытавшимися, прежде всего, отстоять ведомственные интересы) с учётом динамично менявшейся международной обстановки и расстановки социальных сил внутри страны начала XX в. то принимали, то отменяли законы, способствовавшие привлечению иностранных капиталов и рабочей силы из-за границы. Для предупреждения конфликтов между ведомствами власти использовали междуведомственные совещания на уровне Комитета (Совета) министров и с 1907 г. на уровне генерал-губернаторов отдалённых провинций Российской империи.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Какие министерства Российской империи имели в своём составе полицейские подразделения?
2. Какой механизм согласования деятельности полицейских учреждений различных ведомств был выработан в 1907 г.?

³⁹ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1059. Л. 183.

⁴⁰ Там же. Л. 294 об.

Глава 2.

МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ НА ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: БОРЬБА С КОНТРАБАНДОЙ ЗОЛОТА, ОПИУМА, АЛКОГОЛЯ

Особый этап становления и развития основных элементов административно-правового режима обеспечения таможенного дела сложился в начале XX вв. Если для XIX в. была характерна либеральная внешнеторговая политика Российского государства, что проявилось, помимо прочего, в создании зон свободной торговли в Одессе, Камчатской области, портах Приамурья и острова Сахалин, то в 90-х гг. XIX в. ситуация изменилась.

Таможенный тариф 1891 г. носил уже протекционистский характер. В соответствии с ним не облагались пошлинами только товары, которые вообще не ввозились в страну (например, домашний скот, лен, дрова, камень и др.), на все остальные товары ставки пошлин увеличивались в 10 и более раз[1].

Значимость для государства фискальной деятельности таможенных органов предопределила дальнейшее совершенствование системы таможенных органов. Изменения в системе таможенных органов были оформлены Таможенными уставами 1892, 1904 и 1910 гг. Возглавлял систему таможенных органов Департамент таможенных сборов Министерства финансов. В его подчинении находились окружные и участковые таможенные управления, таможни, таможенные заставы, таможенные пункты и посты.

Таким образом, в изучаемый период таможенная система реформировалась. Особенно активно это процесс происходил на восточных окраинах Российского государства. Так, в Иркутской таможне в январе 1898 г. появилась отдельная полицейское подразделение, ведущее оперативно-розыскную деятельность в сфере таможенных правонарушений — «таможенная стража» (28 конных и 30 пеших стражников). Кроме стражников — полицейских на таможни трудились и традиционные сотрудники таможни — 43 досмотрщика.

В 1907 г. Министерство финансов России, помимо пограничной (Отдельный корпус пограничной стражи действовал в России с 1893 г.) и таможенной стражи, располагало на восточных границах Российской империи акцизным надзором и кормчей стражей. Все вышеназванные подразделения имели военизированный характер.

Так, таможенные стражники были вооружены винтовками кавалерийского образца и получали от казны обмундирование, шашки и револьверы.

Служба стражников Министерства финансов была достаточно опасной. Так, неизвестный китаец в апреле 1913 г. ударил тяжёлым предметом Евсюкова, забрал винтовку и патроны. Пострадавший Евсюков скончался. На расследование этого дела были направлены значительные силы, и убийца досмотрщика Карпа Евсюкова был задержан с помощью китайского сыщика. Убийца — им оказался китаец-наркоман — во всём сознался, после чего ночью в Полтавском станичном карцере повесился. Винтовка, по его сведениям, была продана им шайке хунхузов за два фунта опиума.

В мае 1913 г. китайские солдаты обстреляли сотрудников Министерства финансов, которые хотели осмотреть судно «Наполеон». Один стражник был убит.

Первого августа при преследовании на озере Ханко контрабанды погиб от выстрела китайского бандита-хунхуза ещё один сотрудник этого подразделения.

В апреле 1912 г. на обсуждение Государственной думы был внесён новый законопроект «Об усилении таможенного надзора в Приамурском таможенном округе». Предполагалось реорганизовать таможни, исправить недостатки, увеличить личный состав, ввести новые должности в полицейских структурах, которые выполняли бы функции оперативного прикрытия чиновников департамента таможенных сборов. В 1913 г. таможенная структура в Восточной Сибири также была реформирована — образовано 4 инспекторских участка. Иркутский участок объединял Иркутскую таможню и 6 таможенных застав, Читинский участок — Маньчжурскую, Сретенскую и Кяхтинскую таможни, 6 застав и 26 таможенных постов, Хабаровский участок — 3 таможни, 7 застав и 26 постов, Владивостокский участок — 2 таможни, 10 застав и 19 постов. В 1915 г. таможня появилась на последнем участке границы — в Саянах. Семипалатинский таможенный участок включал Минусинскую таможню, Урянхайскую таможенную заставу в Белоцарске и Усинский таможенный пост в пос. Моховском.

Однако становление таможенных учреждений и рост числа полицейских структур, не связанных с МВД, приводил к постоянным трениям между сотрудниками.

Так, в начале XX в. противостояние казаков и таможенников, корчёмной и акцизной стражи было ожесточённым, приводя порой к трагедиям. Как свидетельствуют акты дознания и следствия происшествий на пограничных заставах и постах за 1913 г., было составлено в отношении казаков 273 протокола, в 1914 г. — 328 протоколов, в 1915 г. — 342 протокола.

Задержание казаков-спиртоносов сопровождалось зачастую драками и нанесением увечий сотрудникам полицейских подразделений Министерства финансов.

Историки, изучавшие ситуацию на Дальнем Востоке в начале XX в., часто говорили о противостоянии казаков и таможенных досмотрщиков⁴¹.

Дело в том, что в начале XX в. очень многие жители приграничной полосы на русско-китайской границе (а это — казаки Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск) были заняты контрабандным промыслом. Поэтому местное население крайне враждебно отнеслось к предпринятым мерам по усилению таможенного надзора. Сведения об этом постоянно поступали губернаторам. Пикантность ситуации заключалась и в том, что в соответствии со ст. 55 Таможенного Устава чины местной полиции (а ими в станицах были низовые руководители казачества) обязаны были оказывать полное содействие чинам Таможенного ведомства при их действиях по задержанию водворяемых из-за границы неоплаченных пошлиной товаров.

Естественно, личные интересы казачества и наличие в сельской местности у них полицейской власти и приводили к многочисленным случаям враждебных столкновений, порой заканчивавшихся применением силы между казаками, с одной стороны, и сотрудниками министерства финансов (таможенных досмотрщиков, корчёмной стражи, акцизного надзора), с другой.

Так, 10 июля 1912 г. надзирателем Красноярского таможенного поста Александром Юнашем, стражниками поста Савватием Католиком и Айдохом Ибрагимовым был составлен протокол о том, что в 24 часа к ним, когда они находились в наряде в селе Байхор, подошли трое неизвестных крестьян, из которых один, приблизившись к досмотрщикам и всмотревшись в их лица, сказал «это не наша полиция, а таможенные». При этих словах один из крестьян схватил за грудь Католика и поднял руку, чтобы нанести удар. Но другой сотрудник — Ибрагимов — перехватил руку напавшего. Впоследствии было установлено, что напавший на таможенников — крестьянин села Байхор Гавриил Ананьевич Телишов. Чины общей полиции, прибыв на таможенный пост, несмотря на протесты таможенников, отпустили Телишова, заявив, что тот своими действиями не нарушил общественного порядка⁴².

18 июля 1912 г. в Посъетской таможенной заставе, в Приморье, был составлен протокол о том, что 17 июля восемь вооружённых берданками и трёхлинейками казаков пытались освободить ранее задержанных двадцать китай-

⁴¹ Соколенко А. В. Взаимодействие органов и ведомств по обеспечению государственной безопасности России на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв.: борьба с иностранной разведкой [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: защищена 11.05.2017 / А. В. Соколенко; [Хабаровский пограничный ин-т Федер. службы безопасности РФ]. — Хабаровск, 2017. — 30 с.; Гамерман Е. В. Правоохранительные органы российского Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX вв. (1856—1917 гг.): моногр. [Текст] / Е. В. Гамерман. — Владивосток: Дальнаука, 2008. — 237 с.; Попенко А. В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 — конец 20-х годов XX в.): моногр. [Текст] / А. В. Попенко. — Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2009. — 150 с.

⁴² РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 230. Л. 182.

цев-контрабандистов. Возникла вооружённая перестрелка казаков и стражников таможи.

Казаки, желавшие освободить задержанных китайцев, были установлены: Пётр Калмыков, Василий Банщиков, Василий Дьячков, Степан Дьячков, Осип Калмыков, Михаил Фёдоров, Яков Бочкарев и Трофим Зырянов. Все они были жителями станицы Полтавской и все состояли как приписанные к полиции чины «караульщиками опия на Ушаковском участке», т. е. обязаны были исполнять функцию по противодействию контрабанды наркотиков через границу⁴³.

Первая мировая война не примирила казаков и полицейские подразделения таможенников.

Так, в апреле 1915 г. был составлен протокол управляющим Зеньковским таможенным постом коллежским секретарём Микулой о том, что сотрудники Министерства финансов — Блябас, Рязанцев, Сысоев и Карабанов, будучи в служебном разъезде с целью преследования контрабанды, прибыли в казачий хутор «Медвежья сопка», где были избиты казаками, в результате чего 14 задержанных ими китайца-контрабандиста бежали из-под стражи⁴⁴.

В августе 1915 г. неизвестные казаки забросали камнями комнаты таможенных стражников Полуяна и Коваленко⁴⁵.

В ноябре 1915 г. командир 2-й особой сотни Амурского казачьего поста, будто бы охотясь, обстрелял из засады таможенных стражников⁴⁶.

Сотрудники полицейских подразделений Министерства финансов неоднократно жаловались на казачьих атаманов.

Так, 22 июля 1912 г. надзиратель Кумарского таможенного поста коллежский секретарь Новицкий, составил протокол о том, что 22 июля 1912 г. в канцелярию поста явился дежурный по берегу Амура досмотрщик поста Максименков и доложил, что около 4 часов вечера с китайской стороны в село Ушакова на лодке приплыл Кумарский станичный атаман Верхотуров с двумя неизвестными женщинами. Дежурный досмотрщик Максименков, подойдя к приехавшим, обратился с вопросом, не имеет ли кто чего предъявить к досмотру, а также потребовал от приехавших женщин пропуска на пересечение границы, на это станичный атаман, обращаясь к досмотрщику, начал кричать «какое ты имеешь право требовать пропуска, вались отсюда к чёртовой матери». Когда досмотрщик попросил атамана не ругаться, а обратиться за разъяснениями к надзирателю поста, то атаман стал кричать ещё больше и утверждать, что ему, как начальнику всего станичного округа, досмотрщики обяза-

⁴³ РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 230. Л. 213.

⁴⁴ РГИА ДВ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 143. Л. 43.

⁴⁵ Там же. Л. 50.

⁴⁶ Там же. Л. 176.

ны подчиняться. По сведениям дежурного досмотрщика Максименкова, Курмарский станичный атаман Верхотуров приехал из Китая в нетрезвом виде⁴⁷.

Спустя некоторое время после ухода станичного атамана и двух женщин вскоре из-за границы приехал и Ушаковский хуторской атаман Малышев. Он также был пьян. Вместе с ним следовали его жена, казаки хутора Ушакова — Григорий Козлов, Александр Рязанцев, а также два китайца.

Подойдя к приехавшим, дежурный досмотрщик обратился также с вопросом — не имеют ли прибывшие из-за границы лица — чего предъявить к досмотру и затем попросил предъявить пропускные билеты полиции для наложения на них установленного штампа. В ответ на это хуторской атаман Малышев, выйдя из лодки, стал кричать: «какое ты имеешь право задерживать с моими билетами, раз я разрешил, кому ехать за границу, то ты не можешь требовать проверки пропусков, всё выдумываете из своей головы», и тут же, обращаясь к остальным сидевшим в лодке, крикнул: «никто не предъявляйте пропусков»⁴⁸.

Приказом атамана Амурского казачьего войска от 9 октября 1912 г. в действиях станичного атамана Верхотурова и хуторского атамана Малышева была обнаружена «непозволительная для них нетактичность в сношениях с досмотрщиками таможенного поста 22 июня 1912 г.». В связи с этим станичному атаману Верхотурову был поставлен на вид его непозволительный поступок с досмотрщиком Максименковым, выразившийся в том, что он не объяснил в достаточно корректной форме отсутствие у себя пропускного билета, как у лица уполномоченного его выписывать. Хуторского атамана было приказано посадить в карцер на двое суток за то, что воспретил приехавшим с ними лицам показывать пропускные билеты чинам Таможенного надзора⁴⁹.

На этом противостояние таможенников и казаков на Аргуни и Амуру не закончилось.

Надзиратель Аргунского таможенного поста 29 сентября 1912 г. направил протокол управляющему Приамурским таможенным округом, в котором говорилось «об отбитии толпой казаков задержанного досмотрщиками поста Василием Шумяковым и Николаем Цапом контрабандного спирта на берегу Аргуни у посёлка Комаринского». Во время стычки был ранен казак Пётр Ангзаров, его отправили на лечение в Нерчинско-Заводской приёмный покой⁵⁰.

То же самое происходило и на других участках русско-китайской границы. Так, в Забайкалье 7 августа 1912 г. по Забайкальскому казачьему войску № 714 был издан приказ: «Об оказании законного содействия станичными властями чинам таможенного надзора и других ведомств».

⁴⁷ РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 230. Л. 236.

⁴⁸ Там же. Л. 236.

⁴⁹ Там же. Л. 444.

⁵⁰ Там же. Л. 435.

В приказе говорилось, что станичными и поселковыми властями не всегда в должной мере оказывалось законное содействие чинам таможенных застав, расположенных по границе с Монголией и Китаем, а иногда бывали случаи, если не полного по этой части бездействия, то непростительной медлительности, например это имело место на станице Олочинской «по делу неприятия своевременно станичным атаманом фельдфебелем Кабановым под стражу от местной таможенной заставы двух контрабандистов (ночью), затем в посёлке Киранском по неприятию поселковым атаманом Каленовым решительных мер в отношении казаков Фаддеевых, непозволительно державших себя на Киранском таможенном посту».

Дело Киранского поселкового атамана Каленова было направлено Прокурору Читинского окружного суда на предмет производства предварительного следствия, что же касается Олочинского станичного атамана Кабанова, то его было решено арестовать на пять суток⁵¹.

В связи с этим по Забайкальскому казачьему войску был объявлен «приказ станичным, поселковым и урочишным атаманам твёрдо помнить, что в исполнении полицейских обязанностей они должны действовать не только в определённые часы дня, но и во всякое время дня и ночи. Законное содействие чинам разных ведомств они обязаны оказывать без всякого промедления, точно так же, как и при несчастных случаях или поимке и преследовании преступников. Не исполнить они вправе и обязаны только такое предложение или распоряжение, в явной преступности которого не возникает никакого сомнения. В частности, в деле таможенном, вызываемом общегосударственной необходимостью, станичные власти обязаны точно исполнять требования 1127 и 1139 статей Устава Таможенного и 1173 статьи Устава Уголовного судопроизводства»⁵².

В ответ на жалобы таможенных чинов, руководители той части казачества, которая оказалось втянутой в бутлегерские операции с китайскими предпринимателями, изобретали свои способы борьбы. Так, 10 сентября 1914 г. была подана жалоба китайскими подданными Ван Пином, Лиу Фа, Чжан Юиньем, Итин Сю, Чан Лочу, Лю Пидо, Литун Санем, Ван Фу, Ван Итиняем и Чан Ичуном Пашковскому хуторскому атаману, о том, что чинами Пашковской таможенной заставы — чиновником Лахиным и тремя таможенными стражниками ночью в хуторе Пашковом в занимаемых ими квартирах был произведён незаконный обыск в ночное время — около трёх часов ночи. Причём во время обыска у Ван Пина будто бы таможенники отобрали паспорт, у Лиу Фа билет и 4 рубля денег, у Чжан Юинья — 10 руб. денег, у Итин Сю удостоверение Раддевского станичного правления и 7 руб. 50 коп. налич-

⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 230. Л. 249.

⁵² Там же.

ностью. Деньги, будто бы отбирали насильно и многих били, 16 человек, не имевших денег, арестовали⁵³.

Во время дознания, после того, как поселковые власти дали делу ход, досмотрщики объяснялись, что 10 сентября 1914 г. они никаких денег не брали и обысков не производили, и что задержание беспаспортных китайцев было произведено не в 3 часа ночи, а в 10 вечера 10 сентября 1914 г. Что же касается подданной жалобы якобы китайцами, то, по мнению таможенников, инициатива её написания исходила от местных властей в лице хutorского атамана, который, кстати, обвинялся таможенниками в получении взяток с беспаспортных китайцев.

Управляющий Пашковской таможенной заставой, представляя Хабаровскому таможенному управлению дознание, произведённое «по делу жалобы китайцев на действия чиновника Лахина», отмечал, что все китайцы, подписи которых имелись на жалобе, заявили, что они никому никакой жалобы не подавали, ничего не подписывали. Из семи человек лишь один оказался грамотным, кроме того, все подписавшие будто бы жалобу были беспаспортные и сданы хutorским властям для высылки из России. Принимая во внимание всё вышеизложенное, управляющий делал вывод, что жалоба эта была создана искусственно под давлением хutorских властей, желавших оградить себя от обвинения во взяточничестве. Ранее таможенники задерживали в китайской харчевне 16 беспаспортных китайцев, которые сообщили, что живут они в Пашково с разрешения хutorского начальства, за что и платят атаману по 3 руб. в месяц с человека⁵⁴.

Наконец, переводчик Тех Хо, при посредстве которого были опрошены китайцы, категорически утверждал, что все подписи на жалобе были сделаны одним лицом.

Кроме того, таможенники подали коллективную жалобу на публично сказанные Раддевским станичным атаманом Поповым слова, что таможенников нужно гнать в шею из станицы⁵⁵.

Ситуация, аналогичная Приморской, происходила и в Забайкалье. Так, 20 июня 1912 г. управляющему Кяхтинской таможней поступил рапорт, в котором говорилось следующее: «По протоколу, составленному 26 января 1912 г. Ноехонским булучным старостой, дело представляется в следующем виде: 26 января 1912 г. явились в улус Мынгэй три таможенных досмотрщика в юрту Буянту Цыбикова и, подозревая его самого или сына его Доржи Буянтуева в занятии контрабандным промыслом, хотели, без содействия

⁵³ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 3. Д. 27. Л. 207.

⁵⁴ Там же. Л. 209.

⁵⁵ Там же. Л. 214.

местных полицейских властей, силой увезти их на таможенный пост в село Подлопатки⁵⁶.

Из полицейского же дознания, произведённого 6 апреля 1912 г., приставом второго стана Селенгинского уезда, по опросе потерпевших инородцев Буянто Цыбикова и Доржи Буянтуева, а также показаний свидетелей Гымпылова, Чагдурова, Тубанова и Жернакова, дело было показано так: 18 января 1912 г. ночью приехал в Мынгэй надзиратель Нижне-Маргитуйского таможенного поста с двумя стражниками и пригласил с собой десятского Гымпылова.

Затем они пошли в юрту Буянто Цыбикова, разбудили всю семью и потребовали у Буянто и сына Доржи следовать за ними в юрту десятского Гымпылова для допроса по подозрению в вове им контрабанды, найденной три дня назад на острове на реке Хилка. Буянто Цыбиков, не признавая себя и сына своего Доржи виновными в этой контрабанде, не выполнил требования надзирателя поста. Тогда один из сотрудников под угрозой оружия стал их вести. Когда и после такой угрозы Буянто не исполнил предъявленных к нему требований, таможенники поймали во дворе коня и увели его к Гымпылову, а за ними тогда пошёл туда и Буянту с сыном. Там их допросили и вернули коня. Через несколько дней досмотрщики снова пришли, ранили и связали Буянто. На крики семейства стали сбегаться соседи и селенгинский мещанин Жернаков. Досмотрщики не пояснили своего поведения и уехали⁵⁷.

Показания таможенников рисуют это дело в несколько ином свете: 15 января досмотрщики Перевалов и Степаненко, будучи в разъезде и наблюдая за перевозившими из улуса в улус бурятами, нашли в кустах острова реки Хилка 206 кусков, около 13 пудов хлопчатобумажной ткани «далембы» без таможенных пломб и, заподозрив бурят, доложили о том надзирателю таможенного поста Пистровскому⁵⁸. Последний со стражниками отправился 18 января в 4 утра в зимовье Мынгэй, где проживали подозреваемые инородцы-казаки, приписанные к Забайкальскому казачьему войску.

Во время допроса Буянто сам ударил досмотрщика Обушного. В конце драки к досмотрщикам подошёл селенгинский мещанин Жернаков и обратился к ним с вопросом, за что они вяжут и бьют Буянто. Перевалов ответил — за то, что он взял в руки нож. Видя, что досмотрщикам не забрать Доржи Буянтуева, т. к. со всех юрт стал собираться народ, Перевалов распорядился ехать домой. Толпа человек в тридцать требовала объяснений от досмотрщиков, два бурята пытались воспрепятствовать отъезду досмотрщиков, и тогда Перевалов приказал взять винтовки в руки, после чего толпа разбежалась⁵⁹.

⁵⁶ РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 230. Л. 67.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 230. Л. 70.

Сопоставляя все эти разноречивые показания, следователь прокуратуры пришёл к выводу, что правдивы показания досмотрщиков⁶⁰.

Резюмируя всё вышеизложенное, следователь прокуратуры реконструировал следующую картину: 15 января 1912 г. досмотрщики Нижне-Маргитуйского таможенного поста Перевалов и Степаненко, будучи в разъезде, нашли «далембу» и заподозрили в контрабандном перевозе её инородцев Бадму Рынченowa и Доржи Буянтуева. Надзиратель поста с таможенниками отправился в улус Мынгэй, место жительства подозреваемых для производства дознания. Было около 6 утра, в юртах буряты спали. Разбуженный Буянто первоначально не исполнил требования переданные Гумпыловым и Переваловым, но когда явился с таким же приказанием кандидат Батуцыренов, то Буянто беспрекословно подчинился ему и, взяв требуемую лошадь, отправился с сыном в дом Гумпылова. При допросе Доржи Буянтуева, тот, уличённый сообщником его Рынчиновым, сознался в провозе контрабанды, найденной 15 января досмотрщиками. В присутствии кандидата Батуцыренова Буянто подписал протокол за неграмотного сына.

Надзиратель отпустил их, но взял слово явиться к нему с перевозочными средствами, для их последующей конфискации. Когда установленные сроки прошли, таможенные досмотрщики сами направились для конфискации, которая привела к драке, избиению и в конце концов ранениям Буянто⁶¹.

Продолжались драки между таможенными стражниками и казаками и в годы мировой войны. Так, прокурору Владивостокского окружного суда приходилось расследовать дело о том, как 1 июля 1915 г. стражник Афанасий Погреев и с ним два таможенных чина, перепившиеся спиртом, отобранным у контрабандистов, остановили казака Халезова и избили его в лесу⁶².

На запрос прокуратуры, таможенное управление отписалось, что Халезов известный контрабандист, а сотрудники были трезвые и сопровождали контрабандный груз с шестью задержанными китайцами. Халезова они, встретив, просто обыскали, но тот стал возмущаться и спорить, и чтобы этим не воспользовались китайцы и не разбежались, таможенники слегка стукнули его прикладом по ноге. Больше никакого насилия в отношении казака они не применяли⁶³.

Помимо корчёмной стражи и казаков пограничных селений контрабандным проиcкам поддались и чины горной стражи.

Так, надзиратель Раддевского таможенного поста в письме от 4 марта 1913 г. № 1 сообщал инспектору Хабаровского таможенного участка: «Пост на хуторе Пашково встречает противодействие горной полиции, которая бесп-

⁶⁰ Там же. Л. 72.

⁶¹ Там же. Л. 73.

⁶² Там же. Л. 83.

⁶³ Там же. Л. 84.

репятственно пропускает на прииск безбилетных китайцев. Так, по наведённым мной справкам оказалось, что в летнее время 1912 г. работало там до 1000 китайцев, а в этом году в январе месяце безбилетных было 90 человек, которые при моем приезде были выдворены с прииска горным урядником Линцем, а настоящее время снова работают. Ввиду того, что горный исправник есаул Толстокулаков на приисках бывает раз в год и на безбилетных китайцев не обращает внимание, то этим пользуется горный исправник Линц, что и видно из представляемых трёх прошений китайских подданных: Сун Хои, Сун Юусю, Сун Чянсю. Вследствие злоупотреблений горной полиции казна теряет каждый год десятки тысяч рублей на выборке билетов, да, кроме того, масса золота уходит за границу. В настоящее же время в виду осложнений с Китаем произвол горной полиции может довести до того, что на русской стороне образуются хунхузские шайки, которые сами по себе будут представлять внушительную воинскую силу на случай военных действий, а в мирное время будут угрожать населению»⁶⁴.

Таким образом, было отмечено участие горной полиции в контрабанде золота из России в Китай.

При этом, как показывают материалы из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, межведомственное противостояние проходило не только в сельской местности или в зоне горных приисков, но и полосе железных дорог. Предшественники современных линейных отделов полиции на транспорте — жандармско-полицейские управления при железных дорогах в начале XX в., как будет видно из представленного материала, пытались контролировать деятельность таможенных органов в подведомственном районе. Часто это приводило к конфликтам и межведомственной переписке, в которой сотрудники полицейских структур МВД и Министерства финансов стремились обвинять друг друга в совершении коррупционных преступлений.

Так, надзирателем Шкотовского поста Хмелевским был составлен настоящий акт о противоправном деянии железнодорожного жандарма.

Досмотрщики узнали от агента-китайца о контрабанде опия. Хмелевский поручил стражникам Александру Кочкину, Мефодию Лису сесть на поезд, следовавший от Шкотово до Владивостока для задержания четырёх китайцев с 30 фунтами опия. Поскольку поездка была чрезвычайная, они оставили на посту бесплатные служебные билеты и уехали без них. Досмотрщики были задержаны в поезде полицией и на них был наложен штраф в 3 руб. 60 коп. за проезд без билетов. Задержаны досмотрщики были жандармским унтер-офицером станции Шкотово Приёмом. Тот приказал кондукторам закрыть их на ключ и доставил на станцию Угольную, где и составил протокол. За неиме-

⁶⁴ РГИА ДВ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 37. Л. 109.

нием при себе денег на покупку билета досмотрщики были лишены возможности преследовать контрабанду⁶⁵.

Начальник жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги в своём ответе решительно встал на сторону своего подчинённого. По его мнению, Прийм выполнял только установленные законом процессуальные действия. На станции Угольной досмотрщики были доставлены в контору начальника станции главным кондуктором, без всякого участия унтер-офицера Прийма, и задержаны они в конторе были не более чем на десять минут и затем отпущены. По его мнению, таможенники обязаны были, если сами не могли задержать контрабанду, телеграфировать об этом во Владивосток, где имеется таможенный чиновник. Поезд был бы встречен, и контрабанда, вероятно, была бы задержана. Ссылка их на то, что у них нет денег, несостоятельна. Они обязаны были заявить об этом жандарму ст. Угольной, и тот бы дал телеграмму во Владивосток⁶⁶.

Кроме того, начальник жандармско-полицейского управления усомнился в нравственности поступков таможенных чинов, отметил, что те досматривают не контрабанду, а паспорта китайцев, чтобы обогатиться на взятках от большой массы беспаспортно проникавших в Россию китайских сезонных рабочих.

Действительно такие случаи имели место. Так, в апреле 1913 г. явившийся на Иманскую таможенную заставу китайский гражданин Чжа Фа заявил, что днём он возвращался из посада Имана в посёлок Графский. В районе пакгаузов понтонного батальона к нему подошёл неизвестный таможенный досмотрщик и попросил показать ему билет (вид на жительство), и отобрал его якобы с 5 руб. денег. Причём китаец показал, что отъём денег видел часовой, который охранял пакгауз.

По указанным приметам установлено, что это досмотрщик Огнищев, который доложил, что отобрал у этого китайца один билет в виду того, что таможенной визы о переходе границы в нём не было. Солдат передачу денег не подтвердил. Показания китайца пришлось признать вымышленными⁶⁷.

Ситуация с поведением досмотрщиков таможни часто была настолько щепетильна, что инспектору Приамурского таможенного округа 19 января 1913 г. пришлось давать объяснения по запросу члена Государственной думы Гамова о ненормальных отношениях таможенной службы к населению.

Инспектор писал, что информация, изложенная в двух газетах «Благовещенское утро» и «Эхо», не имеет никакого отношения к чинам таможенного ведомства, т. к. всецело относится, как это видно из текста газетных заметок, к чинам корчёмной стражи, подбор которых, к крайнему сожалению, в 1910—

⁶⁵ РГИА ДВ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 37. Л. 10.

⁶⁶ Там же. Л. 13.

⁶⁷ Там же. Л. 176.

1912 г. представлялся действительно неудачным. Акцизный надзор был наполнен сотрудниками, которые, по мнению инспектора — оставляют желать много лучшего, как в нравственном, так и в служебном отношениях.

«Действия же чиновников таможенной службы, — отмечал инспектор, — оказывались, за редким исключением, всегда основанными на требованиях закона и облачёнными в форму вполне корректную, не могущую вызвать каких-либо нареканий на неуважение, грубость или корыстность. На виновных, в очень редких случаях, в недостаточной тактичности чинов всегда налагались взыскания и делались на это указания».

В качестве основных агентов контрабанды инспектор указывал не только корчёмную стражу, но и местных казаков, которые «по преимуществу являются контрабандистами, нарушителями всех законных требований таможенного ведомства и противодействуют законному порядку вплоть до вооружённой силы, о чём мной неоднократно доносилось и о чём мною были возбуждены судебные дела»⁶⁸.

6 июня 1912 г. был оформлен протокол жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги. В нём унтер-офицер Никольского отделения жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги Яков Кушнир, находившийся на ст. Никольск-Уссурийск, на основании 261 ст. Устава уголовного судопроизводства задержал двух таможенников. Так, по его показаниям, возле его пункта раздался крик «караул», жандарм тотчас же поспешил и узнал, что кричали японки, около них стояли досмотрщики Фёдор Юрасов и Иван Аркушины. Японки заявили, «...что они прибыли с почтовым поездом № 3 из Хабаровска в Никольск-Уссурийск и при высадке из вагона их таможенные досмотрщики забрали вещи и отнесли к себе в вагон и потом стали предлагать им идти с ними в вагон спать, на что они не согласились, но досмотрщики стали тогда силой утаскивать их в названный вагон, почему они стали кричать»⁶⁹.

Юрасов стал удерживать японок, желавших уйти на станцию, а собравшаяся публика стала заступаться за японок. Поэтому решением жандарма японки были помещены до 5 утра на станции, прибывший таможенный чиновник из Раздольного ничего противозаконного у них не обнаружил.

Сотрудники Никольск-Уссурийского оперативного таможенного поста Фёдор Юрасов и Иван Аркуша, опрошенные по делу поданной начальнику Приамурского таможенного округа исполняющим обязанности начальника отделения жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги переписки по обвинению их в неправильном действии при исполнении служебных обязанностей, показали:

⁶⁸ РГИА ДВ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 37. Л. 32.

⁶⁹ РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1 Д. 230. Л. 208.

В ночь с 5 на 6 июля, по прибытии из Хабаровска почтово-пассажирского поезда, из вагона вышли на перрон с 5 большими тюками две японские женщины.

«Имея подозрение, что в багаже их имеется контрабанда, — отчитывались досмотрщики, — мы предложили японкам отправиться для досмотра багажа в стоящий тут же при станции таможенный вагон и так как они не пожелали исполнить наше требование, то во избежание каких-либо недоразумений мы обратились за содействием к дежурному по станции жандармскому унтер-офицеру Кушнеру, который спал в жандармской комнате, в содействии нам отказал, заявив что мы и сами сможем справиться, сопроводив японок в вагон. Когда мы стали брать вещи для досмотра, одна из японок стала кричать, на этот крик пришёл жандарм и обратился к нам: «Что вы здесь безобразничаете?». Японки, видя такое отношение жандарма, стали сопротивляться досмотру вещей. По мнению досмотрщиков никто японок с перрона не тащил в вагон и тем более не предлагал спать с ними в вагоне. Вокруг вагона собрались железнодорожные служащие, которые подбадривали жандарма: «А ну их хорошенько», а осмотрщик вагонов — рабочий Иван Дорошенко добавил, что таможенники хотели изнасиловать японок. Видя всё это, досмотрщики отпустили японок с жандармом⁷⁰.

Дело о японках не являлось единственным случаем, из-за которого отношения досмотрщиков и сотрудников МВД были напряжёнными.

11 июня 1912 г. к Ф. Юрасову, стоявшему на перроне, подошёл железнодорожный рабочий, которого он перед этим безрезультатно обыскал, Попов, и, выругав его самыми площадными словами, добавил: «Ах вы, кровопийцы, хотели с меня сегодня заработать». К разговаривающим подошёл унтер-офицер жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги Кубенко, и обратился к досмотрщику со словами: «Ты что здесь шукаешь?»⁷¹.

Вслед за тем другой жандармский унтер-офицер Дмитриенко обратился к Юрасову: «Ты сукин сын».

Надзиратель таможенного поста, которому пожаловался Ф. Юрасов на травлю со стороны жандармов, написал в рапорте, что «...давно замечено беспричинное враждебное отношение чинов жандармской полиции к таможенным чинам... и желание без всяких со стороны нашей поводов вредить на всяком шагу»⁷².

На основании этого доклада управляющий Приамурского таможенного округа в письме от 24 июля 1912 г. сообщал начальнику Жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги, что им на основании статьи 1085 Устава уголовного судопроизводства, произведено дознание о дея-

⁷⁰ РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1 Д. 230. Л. 208.

⁷¹ Там же. Л. 332.

⁷² РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 230. Л. 332.

тельности надзирателя Никольск-Уссурийского таможенного поста Ананьева и по содержанию протокола от 6 июня 1912 г., составленного унтер-офицером Никольского отделения Яковом Кушником о неправильных действиях сотрудников таможни Фёдора Юрасова и Ивана Аркуши. Управляющий писал, что произведённым дознанием было установлено несоответствие действительности фактов, изложенных упомянутым унтер-офицером в протоколе. Обстоятельства таможенного осмотра вещей японок Ногано Зю и Осаки Юсинь были совершенно иными. Сотрудником же жандармско-полицейского управления допущено неправильное обвинение Юрасова и Аркуши в преступных деяниях. В связи с этим управляющий просил привлечь унтер-офицера Кушника к ответственности по статье 362 Уложения о наказаниях⁷³.

Начальник жандармско-полицейского управления 12 сентября 1912 г. в письме № 2639 ответил начальнику Приамурского таможенного округа, что произведённым 2 сентября 1912 г. ротмистром Власовым по его распоряжению дознанием, в порядке военно-судебных установлений выяснено, что изложенные обстоятельства в протоколе унтер-офицера Кушника от 6 июня 1912 г. соответствуют действительности. Следовательно, обвинение досмотрщиков Юрасова и Аркуши в неправильных по службе действиях основательно. Жандарм отмечал, что надзиратель Никольск-Уссурийского таможенного поста Ананьев при производстве им дознания 19—20 июня 1912 г. вынуждал свидетельские показания в желательном для него духе и изложил в дознании факты «несогласно словам свидетелей». Поэтому руководитель жандармско-полицейского управления просил о привлечении надзирателя Ананьева, а также досмотрщиков Юрасова и Аркуши к законной ответственности⁷⁴.

Столкновение жандармов и таможенников проходило не только в Приморье, но и на Амуре.

Так, начальник жандармско-полицейского управления Амурской железной дороги 20 ноября 1914 г. писал управляющему Благовещенской таможни, что 15 октября четыре человека таможенной стражи Пашковской заставы, в 3-х вёрстах от Пашково по направлению к Кундуру, остановили подводу, заведомо зная, что на ней едет артельщик под охраной полицейского стражника, который был в форме, и произвели обыск с целью обнаружения контрабандного спирта, которого, конечно, обнаружено не было. На протест артельщика и полицейского против такого образа действий таможенной стражи, последняя ответила угрозой, что будет стрелять.

«Принимая во внимание, — писал начальник жандармско-полицейского управления Амурской железной дороги, — что столь свободный доступ к артельщику и охранявшей его полицейской страже может быть использован зло-

⁷³ Там же. Л. 661.

⁷⁴ Там же. Л. 675.

умышленниками, способными переодеться в форму таможенной стражи, с целью ограбления, уведомляю, что полицейской страже приказано в будущем к себе не допускать и при попытке остановить употреблять оружие. С чем сообщая Вам на предмет поставления в известность подведомственных вам чинов таможенной стражи, в предупреждении могущих произойти печальных последствий»⁷⁵.

В результате этой прямой угрозы начальник Приамурского таможенного округа, был вынужден дать распоряжение не досматривать пассажиров и лиц, одетых в форму. Если было подозрение в транспортировке полицейским контрабанды, то их можно было досматривать только по прибытии подводы на почтовую станцию⁷⁶.

В годы Первой мировой войны противостояние полицейских Министерства внутренних дел и Министерства финансов продолжилось.

Жандармы систематически препятствовали таможенным досмотрщикам и стражникам в осмотре поездов, силой ссаживали таможенников с состава⁷⁷.

Корчёмная стража также конфликтовала с полицией и другим полицейским подразделением Министерства финансов — надзирателями⁷⁸. Причина состояла в том, что согласно ст. 24 Наказа чинам корчёмной стражи, утверждённым приказом Министерства финансов 27 июля 1911 г., задержанные контрабандные пития и другие акцизные товары могли продаваться чинами корчёмной стражи в местах конфискации, не дожидаясь решения дела лишь при «невозможности доставить их на место нахождения корчёмного или таможенного поста», а все иные предметы согласно примечанию № 1 к той же статье, передаваться должны были в Таможенное учреждение⁷⁹.

Но поскольку практика показывала, что корчемники старались не сдавать конфискованные товары в таможенное учреждение в силу каких-то придуманных обстоятельств, это приводило к постоянным дракам корчемников и таможенников. Только за 1912—1914 гг. таких драк между полицейскими подразделениями на Дальнем Востоке было 13⁸⁰.

Так, 16 июля 1914 г. акцизный контролёр корчёмной стражи 3-го участка 3-го округа акцизного управления подал рапорт надзирателю 3-го округа Приамурского акцизного управления за № 25. В нём он писал, что 12 июля в 17:00 акцизный контролёр с объездчиками вверенного поста отправился в разъезд на частном пароходе «Святогорск» вверх по Амуру, взявши с собой лодку, но т. к. на лодке ехать было невозможно ввиду сильного шторма, то они

⁷⁵ РГИА ДВ. Ф. 1304 Оп. 3. Д. 27. Л. 223.

⁷⁶ Там же. Л. 230.

⁷⁷ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 74. Об ухищрениях при провозе контрабанды. Л. 16.

⁷⁸ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 5. Л. 62.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 5. Л. 63.

на пароходе доплыли до брандвахты. Там они разожгли костёр, чтобы согреться, в это время к ним подошли два досмотрщика Забеловского таможенного поста, которые попытались выяснить их личности. Последним было объяснено, что прибывшие — корчёмная стража из города Хабаровска.

Через 15 минут на лодке с 4 досмотрщиками явился управляющий вышеупомянутого поста, который потребовал, чтобы корчёмная стража удалась от границы на ту дистанцию которая была им предписана по Положению. Он заявил: «Какое вы имели право без моего разрешения высадится на берег и что я Командира парохода оштрафую на 100 руб. за то, что без моего ведома высадил вас на берег». Потом позвал досмотрщиков и сказал, что если не уберётесь, то я вас всех арестую. Во избежание неприятностей чины корчёмной стражи потушили костёр и покинули местность⁸¹.

Отметим, что на русских подданных штрафы за водворение контрабанды налагались в порядке ст. 31 «Устава о наказаниях». В то же время, согласно ст. 1139 «Устава таможенного», лица, задержанные с контрабандой, сдавались под надзор местной полиции (или органов казачьего самоуправления). Постановлениями общественных сходов контрабандистов-россиян привлекали к уплате штрафа. В 1900—1915 гг. средний размер штрафа, как правило, составлял сумму от 50 до 200 руб.

Наиболее крупные штрафы возлагались на контрабандистов спирта из Китая. При задержании спирта у виновных должны были конфисковать контрабандный товар и подвергнуть штрафу по 2 руб. с фунта нетто (фунт равен 453,6 г или 4,5 руб. за литр) задержанного продукта⁸².

Утилизационную деятельность дальневосточной таможни описал в отчёте начальника Владивостокской таможни от 3 июля 1908 г. на имя Окружного таможенного инспектора Заамурского района. В нём говорилось, что «...предписанием Вашего Высочородия от 24 июня за № 2585 дано знать Таможне, что по докладу Департаментом таможенных сборов Товарищу Министра финансов вопроса о передаче некоторого количества непроданных таможеней на двухкратных торгах и поступивших в распоряжение казны 832 ящиков необандероленных махорки и папирос Приморскому областному правлению для бесплатной раздачи инородцам северных уездов области, его Превосходительство изволил разрешить передачу 1/10 всего количества помянутых папирос и махорки названному правлению для указанной цели, без оплаты акцизом». Причём в случае обращения Областного правления с ходатайством о передаче им остального количества табачных изделий, продать его на торгах.

В числе вышеупомянутых 832 ящиков табачных изделий, передаваемых для раздачи инородцам, было 800 ящиков махорки и 32 ящика папирос.

⁸¹ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 3. Д. 27. Л. 134.

⁸² РГИА ДВ. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 93. Л. 141.

Кроме того, Департамент таможенных сборов телеграммой от 26 июня 1908 г. № 07311 разрешил остальные 29 ящиков папирос передать местному Агентству добровольного флота для вывоза их на Сахалин и продажи там на пополнение причитающихся агентству фрахта и складочного сбора⁸³.

В 1910 г. во Владивостокской таможне открыли дело «О передаче китайского опиума» содержащего 5—6 % морфия военно-медицинским учреждениям Приморья безвозмездно⁸⁴.

Тогда же осуществлялась раздача конфискованной таможниками свинины при условии её проверки ветеринарами⁸⁵.

18 ноября 1913 г. Управление по сооружению дорог Министерства путей сообщения в ходатайстве за № 18119/2881 отправленном в Департамент таможенных сборов, сообщало, что начальник работ по постройке Восточной части Амурской железной дороги рапортом от 16 октября 1913 г. № 35365 доносил, что, ввиду закрытия 50-вёрстной полосы для беспошлинного обращения товаров китайского происхождения, в начале года таможненным ведомством была обандеролена оказавшаяся в наличии запасов управления партия чая, для продажи его в означенной полосе.

Чай этот управлением работ был пущен в расход в тех пунктах, в которых до закрытия 50-вёрстной полосы свободно обращались товары китайского происхождения.

27 июля 1913 г. на станциях Амур, Усов балаган и Икура корчёмная стража составила протокол о продаже беспошлинного чая из складов Управления постройки, обандероленного для обращения в 50-вёрстной полосе, а вслед за корчёмной стражей прибыл акцизный чиновник Радкевич, который конфисковал чай на ст. Амур в количестве 20 пудов, на ст. Икура — 15 пудов 28 фунтов, причём на ст. Амур чай был сдан на хранение под личную ответственность артельщика склада, а с последних двух станций конфискованный чай был отправлен пароходом в Хабаровскую таможню⁸⁶.

По сообщению начальника работ, до приведённого случая от г. Хабаровска до тихонькой сопки, по линии строящейся дороги, расположены были три станции, где беспошлинные товары китайского происхождения обращались свободно.

На просьбы Управления работ, обращённые в акцизное управление и к инспектору Хабаровского таможенного участка о снятии ареста и возвращении конфискованного чая с заявлением, что такой будет пущен в продажу в 50-вёрстной полосе первое ответило, что переписка передана таможенному

⁸³ РГИА ДВ. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 93. Л. 157.

⁸⁴ Там же. Л. 216.

⁸⁵ Там же. Л. 367.

⁸⁶ РГИА ДВ Ф. 1304. Оп. 2. Д. 5. Л. 341.

ведомству, а инспектор названного таможенного участка в снятии ареста и возвращении чая отказал⁸⁷.

Между тем конфискация чая нарушила, по донесению начальника работ, порядок своевременного снабжения рабочих и служащих постройки чаем.

В дополнение к означенному рапорту начальник работ телеграммой от 9 ноября 1913 г. сообщил, что Хабаровская таможня отношением от 25 октября № 8343 освободила от ареста конфискованный на станции Амур чай, взятый на станциях Икура и Усов Балаган остаются в Таможне не освобождённым.

В связи с тем, что Министерство путей сообщения просило освободить чай от ареста и вернуть его, в таможенном ведомстве Министерства финансов решили удовлетворить эту просьбу⁸⁸.

Хабаровское таможенное управление 3 марта 1914 г. сообщало в материальную часть Управления по постройке Восточной части Амурской железной дороги, что согласно предписанию Департамента таможенных сборов от 18 февраля 1914 г. за № 3450 по докладу товарищ министра признал возможным освободить от конфискации, в порядке ст. 1056 Уст. Там. чай, задержанный на станциях Икура и Усов Балаган на складах Управления по постройке ВЧАЖД и возвратить означенный чай по принадлежности при условии вывоза этого чая в 50-вёрстную приграничную полосу⁸⁹.

5 января 1916 г. от инспектора Хабаровского таможенного участка в Департамент таможенных сборов поступило предписание от 18 декабря 1915 г. за № 34532, в котором говорилось, что конфискуемый таможенными учреждениями контрабандный опий должен отсылаться на казённых почтовых посылках в Управление Верховного начальника санитарной и эвакуационной части в г. Петроград по адресу: Дворцовая площадь, дом № 2 для добычи из него морфия⁹⁰.

Тогда же возник вопрос об экспорте спирта в Японию и передаче конфиската для нужд различных учреждений⁹¹.

Таким образом, конфискованные товары частично уничтожались, как, например, спирт, а частично передавались на определённые казённые нужды или общественные надобности. Безусловно, это создавало возможности для совершения коррупционных правонарушений со стороны чиновников таможни. Поэтому каждый случай передачи конфиската проверялся сотрудниками

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. Л. 342.

⁸⁹ Там же. Л. 347.

⁹⁰ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 3. Д. 41 О задержании у контрабандистов товаров, доставленных контрабандным путём, о малолетних контрабандистах. Л. 3.

⁹¹ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 73. Л. 16.

общей полиции. Общая полиция наблюдала и за распространением контрабанды в городах Дальнего Востока.

Таможенный устав 1910 г. продолжил тенденцию переноса норм ответственности за контрабанду в таможенное законодательство. Он также не давал определения контрабанды, а лишь перечислял её признаки. В соответствии со ст. 1045 Устава, закрепившей понятие контрабанды, к ней относилось:

1) водворение из-за границы помимо таможенных учреждений или хотя через таковые, но с сокрытием от таможенного контроля товаров — а) иностранных — запрещённых к привозу, разрешённых к привозу с обложением пошлиной либо допущенных к перевозке транзитом за границу без взыскания пошлин; б) российского происхождения, допускаемых к вывозу за границу с возвратом таможенных пошлин, уплаченных за изготовленные материалы или разрешаемых к вывозу с возвратом акцизных и других сборов;

2) вывоз за пределы или покушение на вывоз помимо таможенных учреждений или хотя через таковые, но с сокрытием от таможенного контроля российских товаров, к вывозу запрещённых или разрешённых с обложением пошлиной;

3) водворение на внутренний рынок поступивших в таможенную запрещённых к провозу товаров, допущенных к вывозу за границу, но не вывезенных из пределов Российской империи.

Контрабандой также признавались хранение, складирование и транспортировка указанных в Уставе товаров при непредставлении доказательств законности их происхождения⁹².

Таким образом, субъект внешней экономической деятельности должен был предоставлять в таможенные органы документы, подтверждающие законность владения товаром. При их отсутствии товар признавался контрабандным со всеми вытекающими последствиями. Это ещё одно свидетельство ужесточения ответственности за контрабанду, поскольку представителям государства уже не нужно было доказывать факт незаконного перемещения товара через границу. Отсутствие необходимых документов объективно уже являлось поводом для заведения уголовного дела о контрабанде⁹³.

В Уставе 1910 г. субъектом преступления признавалось несколько категорий лиц. Во-первых, находящийся в Российской империи собственник товаров, признанных контрабандными; во-вторых, лицо, непосредственно сопро-

⁹² *Дальневосточная контрабанда как историческое явление* (Борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — первой трети XX века): моногр. / Н. А. Беляева, Л. А. Лаврик, С. Н. Ляпустин, А. В. Попенко, Н. А. Шабельникова, Е. М. Щербина. — Владивосток: ВФ РТА, 2009. — С. 13.

⁹³ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1751. Л. 64.

вождающее товар, если собственник товаров неизвестен; в-третьих, владелец помещения, где товар был обнаружен⁹⁴.

3 июля 1911 г. за № 12190 по правоохранительным органам России был объявлен циркуляр. В нём говорилось, что по делам о контрабанде, указанным в ст. 1113 Таможенного устава, лица, не предоставившие залога или поручительства, должны были отдаваться на основании 1139 ст. Там. уст., *по распоряжению таможи под надзор полиции*. Таким образом, законодатель освободил контрабандистов от тюремного заключения. Вместе с тем создавались юридические обстоятельства взаимодействия сотрудников общей и специальной полиции по расследованию контрабандных преступлений.

По делам о контрабанде по которым полагалась лишь денежная пеня и отбирание товаров, хватало, правда, постановления таможи о наложении денежного взыскания. Оно должно было объявляться виновному до обращения дела к судебному производству с предоставлением права в течение трёхдневного срока со дня объявления подчиниться этому постановлению (ст. 1149 Там. уст.). Если виновный в досудебном порядке соглашался подчиниться уплате пени, то он уголовному преследованию не подвергался. Только отказ в уплате штрафа создавал основу для судебного производства и вмешательства в дело сотрудников полиции Министерства внутренних дел.

Ранее по делам о контрабанде, подлежащим исключительному ведению судебных постановлений 1145, 1120, 1128 ст. Таможенного устава, при постановлении таможи о задержании и исчислении денежной пени дело контрабандиста направлялось в суд⁹⁵.

Таким образом, закон разгрузил судебные учреждения от большого количества мелких дел о бытовой контрабанде.

Что касается полиции, то последняя по делам о контрабанде, подлежащим исключительному ведению судебных установлений, должна была руководствоваться при избрании меры пресечения за отсутствием в законе особых положений общими правилами, изложенными в Уставе уголовного судопроизводства, а потому по получению переписки в порядке ст. 1173 и 1148 Устава уголовного судопроизводства чины городской или уездной полиции, а также станичные и хуторские атаманы (прим. к ст. 261 Устава уголовного судопроизводства) по делам подсудным окружному суду, обязаны были согласно ст. 260 того же устава передавать всю переписку участковому мировому судье немедленно, причём при избрании меры пресечения применительно к ст. 257 Устава руководствоваться ст. 1164 того же устава и представить содержащегося под стражей мировому судье вместе с дознанием.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 3. Д. 5. Л. 84.

Указанные случаи не исключали возможности заключения под стражу лиц, задержанных с контрабандой «за безписьменность» или отсутствие документов, если личности их не были установлены. Но при этом при заключении их под стражу до выяснения личности должно быть составлено особое постановление, отдельно от постановления о мере пресечения за контрабанду и должно быть проведено особое расследование по выяснению личности⁹⁶.

Что касается лиц, которые могли удостоверить свою личность, то здесь российское законодательство ограничивалось лишь взиманием штрафа. Так, 30 июня 1914 г. вследствие отношения от 24 февраля 1914 г. № 876, по поводу жалобы Хэйхэского гуаньчаши на неправильные якобы задержания чинами Толбузинского таможенного поста китайских солдат и произвольное взыскание с них пени за переход границы, было произведено расследование.

Оно показало, что по Толбузинскому таможенному посту в конце 1913 г. имели место два случая нелегального перехода границы китайскими солдатами Ли Фанлином и Чан Ча. В первом случае 19 ноября 1913 г. взыскать пеню в сумме 15 руб. не удалось, а т. к. Лифан Лин при себе этой суммы не имел. Поэтому была оставлена на таможенном посту в виде залога лошадь, на которой следовал названный солдат из-за границы. Спустя несколько дней после задержания за незаконный переход границы Лифан Лин явился на заставу и внёс в обеспечение пени 15 руб., а также 5 руб. за прокорм лошади, находившейся на посту.

Во втором случае, 26 ноября 1913 г. китайский солдат Чан Ча, задержанный также при нелегальном переходе границы, таким же порядком внёс пеню в размере 10 руб. и уплатил за прокорм своей лошади 3 руб. Черняевская таможенная застава, рассмотрев дело по существу, начислила на основании статьи 1038 Таможенного устава пеню на Лифан Лина в размере 2 руб., обусловив в решении своём возратить излишне взысканные с него 13 руб. и на Чан Ча 10 руб., руководствуясь соображением, что факт нарушения Таможенного устава этим лицом без установленных легитимационных билетов, вполне установлен⁹⁷.

Излишне внесённые в обеспечение пени 13 руб. Лифун Лина, по заключению таможни, мог получить на Черняевской таможенной заставы, а внесённые обоими солдатами за прокорм лошадей 8 руб. как расход казны, не подлежали возмещению⁹⁸. Кроме того на полицию и прокуратурой возлагалась обязанность проводить проверки сведений о соблюдении пограничной стражей таможенного устава в Приамурском таможенном округе.

В октябре 1912 г. состоялась проверка постов пограничной стражи на линии Владивостокского таможенного участка:

1. Гродеково — 2 обер-офицера, 69 нижних чинов и 62 лошади.

⁹⁶ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 3. Дело 5. Л. 85.

⁹⁷ РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 3. Д. 27. Л. 111.

⁹⁸ Там же.

2. Софиево-Алексеевская — 23 нижних чина и 26 лошадей.
3. Полтавка — 20 нижних чинов и 23 лошади.
4. Духовская — 11 нижних чинов и 14 лошадей.
5. Богуславка — 1 обер-офицер, 17 нижних чинов и 20 лошадей.
6. Ушагоу — 3 нижних чина и 3 лошади.

Охрана пограничниками таможенной границы заключалась в высылке очередных разъездов для связи с соседними постами и высылке по одному парному секрету в сутки.

Внутренний наряд поста пограничной стражи назначался на сутки по два сторожа у казармы и по два дневальных по конюшне, кроме поста Гродеково, где дополнительно снаряжался дежурный по полусотне. Кашевары, работавшие на постах, были постоянными, назначаемыми приказом по полкам. Однако в процессе дежурств возник вопрос о том, чтобы их сменять через месяц, иначе они отстанут от строя и утратят навыки пограничников.

На постах Полтавка и Ушагоу нижние чины несли службу совместно с конными досмотрщиками Полтавской таможенной заставы. А в Софиево-Алексеевском, Гродеково и Богуславке совместно с чинами акцизного ведомства. На посту Духовском пограничники действовали самостоятельно.

Граница не была разделена между пограничными постами на участки, поэтому они высылали дозорных в секрет по указанию начальника. Пребывание в секрете в течение суток, происходило без точного указания места где пограничники должны находиться. Секретность дозора и смена мест нахождения пограничников объяснялось тем, что этим изучается ход контрабанды и соответственно с этим высылаются в дальнейшем секреты⁹⁹.

Больше всего недоразумений в деятельности пограничников на самом восточном участке русско-китайской границы случалось при задержке контрабандных товаров, разрешённых к ввозу в пределы империи и в районе 50-вёрстной полосы, которая впоследствии с 1 января 1913 г. была закрыта. Так, только с 14 августа по 1 октября 1912 г. было 20 случаев задержания такой контрабанды на сумму 208 руб. 74 коп. совместно с чинами таможенного ведомства и на 19 руб. 29 коп. самостоятельно.

Материально-техническое состояние постов было следующим. В Гродековском посту располагался штаб сотни, который занимал двухэтажное здание с двумя крытыми верандами, нанятое у частного владельца казака Королёва, с которым был заключён договор аренды.

Помещение было сравнительно просторным, внизу располагалась казарма для нижних чинов, на втором этаже канцелярия. Часть нижних чинов — 24 — проживали наверху, а 45 внизу.

Для пограничников, несущих службу в Гродеково, было необходимо обновить набор медной посуды и поставить новые весы для кухни. Были воп-

⁹⁹ РГИА ДВ. Ф. 1303. Оп. 2. Д. 5. Л. 20.

росы у инспектора и к ведению документации. Так, книга нарядов на службу по пограничному надзору велась не та, которая была ранее выслана в сотню, а по форме, составленной ранее дежурившей сотней 2-го конного полка.

Лошади на посту размещены были в конюшне, которая в зимнее время не отапливалась. При посещении 30 сентября она оказалась тесной для 62 лошадей. Лошади были в средних телах, уборка помещения конюшни была слабая, инспектором отмечался недостаточный уход за конечностями и копытами лошадей, были выявлены случаи мокрецы, гнойников. Ковка копыт лошадей была запущена, подковы делались не по меркам. Один из двух кузнецов, обслуживавших сотню, был старый человек, с трудом справлявшийся со своими обязанностями. Овёс, выдававшийся лошадям, был удовлетворительный, водопой речной, вода в реке хорошая. Аптека ветеринарного фельдшера находилась в порядке и содержала все необходимые лекарства.

Пост Софиево-Алексеевский имел схожие проблемы. Из особенностей инспектор отмечал, что пограничники хлеб покупали сами, чего нельзя было допускать, на посту отсутствовали условия для хранения продуктов и фуража. Вода для водопоя бралась из колодца, были проблемы с обмундированием, так на 23 чина на посту было только четыре пары валенок.

Пост Полтавка был, по мнению проверяющего, очень убогим в материальном отношении. Так семерым нижним чинам (из 20-ти) не было места на нарах в казарме, в результате пограничники спали по очереди, отмечался прогиб балок здания у печи в помещении¹⁰⁰.

Общие замечания по другим постам были следующие:

1. Не каждый пограничник имел отдельное спальное место.
2. Пирамиды с оружием некоторые посты в нарушение правил держали у печей.
3. В некоторых помещениях отсутствовали образа и портреты царя.
4. Вместо галстуков, которых не было, пограничники пришивали к старым мундирам кусочки сукна.
5. Корреспонденция приходила на посты со значительным отставанием¹⁰¹.

В связи с тем, что на противоположной китайской стороне между русскими селениями Видным и Лончаковым находилась дельта реки Нора, около которой были расположены главные оптовые склады китайского спирта и табачных изделий, прокуратурой предполагалось в этой местности расположить пост таможенной стражи для борьбы с контрабандистами спиртами.

Причём отмечалось, что там был пост корчёмной стражи, но корчёмная стража предпочитала, как установила проверка, избегать риска столкновения с контрабандистами, и считала, что охрана границы лежит на обязанности другого ведомства, производила обыски и выемки контрабанды по водворе-

¹⁰⁰ РГИА ДВ. Ф. 1303. Оп. 2. Д. 5. Л. 20.

¹⁰¹ РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 181. Л. 64.

нию её уже в российских сёлах. Поэтому предлагалось перевести корчёмный пост из Лончакова в Лермонтовку а в Лончакова расположить таможенный пост, в составе управляющего 10 таможенных досмотрщиков, 4 лошадей и 2 лодок¹⁰².

Итак, основными со стороны проверок осуществляемых правоохранительными органами в период с 1910 по 1914 гг. были претензии к состоянию обмундирования и предметов быта таможенных досмотрщиков и пограничников. В ряде случаев высказывались нелестные замечания о состоянии жилых помещений, в котором располагались таможенники, ряд конюшен не отапливалось.

Кроме того, документы свидетельствуют, что в 1912—1914 гг. действовавшая на Дальнем Востоке России корчёмная стража не имела достаточного опыта, чтобы правильно оформлять протоколы изъятия контрабандных товаров. Корчёмные посты, как правило, находились позади таможенных, попытки чинов корчёмной стражи войти в зону деятельности таможенных досмотрщиков порой заканчивались скандалами. Недостаточное внимание чинов корчёмной стражи к правильному оформлению конфискационных бумаг иногда приводило к тому, что местные мировые суды отказывались преследовать контрабандистов. Были недостатки и в работе горной полиции. Деятельность горной полиции в зоне горных округов Российской империи в начале XX в. сводилась к противодействию продаже подакцизных и запрещённых к реализации товаров. Горные полицейские стремились выявить контрабанду и привлечь к законной ответственности контрабандистов. В годы Первой мировой войны контролеров горной полиции ориентировали на противодействие хищению золота с приисков. Для привлечения китайцев к законной ответственности даже была изменена законодательная база полицейского права. Отныне задержанию и штрафованию привлекались все китайские золотоискатели вне зависимости от той суммы золота, которую они скрыли от золотосплавочной лаборатории. Сотрудники общей полиции порой дублировали деятельность чинов «специальных полицейских учреждений».

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Назовите задачи специальных полицейских служб Министерства финансов Российской империи (корчёмной, горно-полицейской, таможенной стражи).
2. Какие экономические правонарушения расследовались совместно сотрудниками полицейских подразделений МВД и Министерства финансов.

¹⁰² РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 2. Д. 8. Л.101.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, между МВД и выделившимся из него Министерством земледелия и государственных имуществ, с одной стороны, и Министерством финансов и выделившимся из него Министерством торговли и промышленности существовали разногласия не только по использованию бюджета, но и по вопросу привлечения на русский восток «жёлтого труда».

Одни выступали за, а другие против ограничений труда иностранцев, в том числе в зоне золотодобычи. Поскольку указанные министерства имели в своём составе полицейские службы, то возникала опасность столкновения полицейских подразделений, руководство которых в силу ведомственной разобщённости порой ставило противоположные задачи своим подчинённым.

В 1912—1915 гг. в Приморье, на Амуре и в Забайкальской области между сотрудниками оперативных таможен и казаками существовали враждебные отношения. Драки, оскорбления и даже вооружённые столкновения и огнестрельные ранения сопровождали также отношения чинов таможни, дислоцированных на пограничных постах, и окружающего казачьего населения. Основной причиной подобного положения дел было участие казаков в контрабандных операциях по ввозу без уплаты акциза и пошлины товаров из Китая. Как видно, казаки, несмотря на то, что выполняли полицейские функции, не видели в контрабанде ряда товаров ничего для себя предосудительного. Поэтому они воспринимали таможенников как враждебную своим интересам, и сложившейся хозяйственной практике региона, силу. Формой борьбы казаков, стало помимо прочего, написание жалоб на таможенников и обвинение их в коррупции и превышении служебных полномочий.

Кроме того, до самого падения самодержавия отношения сотрудников МВД и Министерства финансов, таможенников и жандармов были напряжёнными. Чины общей полиции и жандармско-полицейских управлений железных дорог неоднократно вступали в конфликт с сотрудниками специальных полицейских учреждений Министерства финансов. Ссорились таможенные стражники и досмотрщики и с другими оперативными подразделениями Министерства финансов, например, акцизным надзором и корчёмной стражей. Как мы видим, несмотря на то, что в 1907 г. были созданы при генерал-губернаторах (Приамурском и Иркутском) междоведомственные совещания, они не выполняли своей роли. Вплоть до революции отношения полицейских общей полиции и жандармерии к полицейским службам министерства финансов (акцизной, корчёмной, горной, таможенной и прочим стражам было отрицательным). В конфликтах казачества и таможенников чины полиции регулярно выступали на стороне казаков.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Неопубликованные источники

1. Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ). Фонды: Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491, 2755; Ф. 148 (Тихоокеанский стол). Оп. 487. Д. 923, 999, 1055, 1056, 1059, 1060.

2. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Фонды: Ф. 1251. Оп. 1. Д. 230; Ф. 410. Оп. 2. Д. 37, 143; Ф. 1304 (Полицейское управление 1901 г. в Хабаровске). Оп. 2. Д. 5, 74; Оп. 3. Д. 17, 27, 36; Ф. 1445. (Окружной таможенный инспектор). Оп. 1. Д. 1. Оп. 2. Д. 9.

3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25 (Канцелярия Иркутского генерал-губернатора), Оп. 11. Д. 43. Д. 222.

Исследования

4. *Алепко А. В.* Законодательное регулирование иностранного предпринимательства в Приамурье в 1860—1917 гг. / А. В. Алепко // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: матер. II Гродековских чтений. Хабаровск, 29—30 апр. 1999 г. — Хабаровск, 1999. — С. 51—52.

5. *Алепко А. В.* Документы архивов России о деятельности иностранных предпринимателей на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX — нач. XX вв. / А. В. Алепко // Архивы Дальнего Востока России на пути в новое тысячелетие : матер. регион. науч.-практ. конф. Владивосток, 23—24 июня 1998 г. — Владивосток, 1998. — С. 225—228.

6. *Алепко А. В.* «Желтый труд» и железнодорожный транспорт Приамурья в конце XIX — начале XX вв. / А. В. Алепко // Россия, Сибирь и Центральная Азия: матер. 2-й регион. конф., 26 окт. 1999 г. — Барнаул: БГПУ, 1999. — С. 63—66.

7. *Алепко А. В.* Китайцы в амурской тайге. Отходничество в золото-промышленности Приамурья в конце XIX — начале XX в. / А. В. Алепко // Россия и АТР. — 1996. — № 1. — С. 79—87.

8. *Алепко А. В.* Незаконное предпринимательство китайцев на российско-маньчжурской границе в начале XX века / А. В. Алепко // Российское

Приамурье: история и современность : матер. докл. науч. семинара, посвящ. 350-летию похода Е. П. Хабарова. 24—25 ноября 1999 г. — Хабаровск, 1999. — С. 269—271.

9. *Башкуева Е. Ю.* Контрабандная деятельность китайских мигрантов в Западном Забайкалье (1860—1917 гг.) / Е. Ю. Башкуева // Молодежь и наука XXI в.: сб ст. — Красноярск, 2004. — С. 86—88.

10. *Беляева Н. А.* Борьба с незаконным ввозом ханшина и опиума в Приамурье во второй половине XIX — начале XX вв. / Н. А. Беляева // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2004. — № 4. — С. 94—103.

11. *Беляева Н. А.* Из истории Владивостокской таможни: становление 1899—1914 / Н. А. Беляева // Изв. Рос. гос. ист. архива Дальнего Востока. — Владивосток, 2000. — Т. 5. — С. 148—158.

12. *Беляева Н. А.* Источники по истории таможенного дела и таможенной политики в фондах научно-справочных библиотек архивов Дальнего Востока / Н. А. Беляева // Дальневосточные архивы: прошлое — будущему. — Владивосток, 2003. — С. 147—154.

13. *Беляева Н. А.* Становление таможенной службы на Дальнем Востоке / Н. А. Беляева // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 1998. — № 4. — С. 111—118.

14. *Беляева Н. А.* Сто лет российской таможенной службе на Дальнем Востоке / Н. А. Беляева // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 1999. — № 2. — С. 11—17.

15. *Беляева Н. А.* Таможенное взаимодействие России и Китая в Маньчжурии: опыт и уроки начала XX в. / Н. А. Беляева // Россия и АТР. — 2004. — № 4. — С. 34—43.

16. *Беляева Н. А.* Таможенные проблемы периода Русско-японской войны: военная контрабанда / Н. А. Беляева // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2004. — № 3. — С. 97—102.

17. *Волохова А. А.* Китайская и корейская миграция на российский Дальний Восток в конце XIX — начале XX в. / А. А. Волохова // Проблемы Дальнего Востока. — 1996. — № 6. — С. 105—114.

18. *Волохова А. А.* Попытки принятия закона о регулировании китайской и корейской иммиграции на российский Дальний Восток в начале XX в. // Общество и государство в Китае: 26-я науч. конф. Тезисы и докл. — М., 1995. — С. 81—84.

19. *Гамерман Е. В.* Правоохранительные органы российского Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX вв. (1856—1917 гг.): моногр. [Текст] / Е. В. Гамерман. — Владивосток: Дальнаука, 2008. — 237 с.

20. *Граве В. В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Труды Амурской экспедиции. Отчет уполномоченного МИДа В. В. Граве. — СПб.: Тип. В. Ф. Киришаума, 1912. Вып. 11. — 489 с.

21. Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — первой трети XX века: моногр. / [Н. А. Беляева и др.]. — Владивосток: Владивостокский фил. Российской таможенной акад., 2010. — 293 с.
22. Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти / Н. И. Дубинина; Приамур. геогр. о-во. — Хабаровск: Приамур. геогр. о-во: Изд-во РИОТИП, 1997. — 206 с.
23. Зиновьев В. П. Китайские и корейские рабочие на горных промыслах Сибири и Дальнего Востока в конце XIX — нач. XX вв. // Вопросы экономической истории России XVIII—XX вв. Томск, 1996. — С. 79—109.
24. Кузнецов А. А. Учреждения МВД губернских городов Восточной Сибири во второй половине XIX века (структура, численность, динамика) / А. А. Кузнецов // Вестник ВСИ МВД России. — 2002. — № 1—2. — С. 50—58.
25. Нестерова Е. И. Китайцы в Приморье: некоторые аспекты социальной адаптации (конец XIX — нач. XX вв.) / Е. И. Нестерова // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: сб. науч. ст. / Рос. акад. наук. Дальневост. отд.-е. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока; [отв. редакторы: А. С. Ващук, Е. Н. Чернолуцкая]. — Владивосток, 2000. — С. 69—82.
26. Нестерова Е. И. Проблема взаимодействия русского, корейского и китайского колонизационных потоков в условиях Приамурья (вторая половина XIX в. / Е. И. Нестерова // Российское Приамурье: история и современность: матер. докл. науч. семинара, посвящ. 350-летию похода Е. П. Хабарова. 24—25 ноября 1999 г. — Хабаровск, 1999. — С. 87—93.
27. Нестерова Е. И. Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884—1897 гг.) / Е. И. Нестерова // Вестн. ДВО РАН. — 2000. — № 2. — С. 40—50.
28. Нестерова Е. И. Система управления иммигрантами / Е. И. Нестерова // Россия и АТР. — 2000. — № 2. (28). — С. 58—68.
29. Нестерова Е. И. Китайская иммиграция. Политика Российской империи и США (вторая половина XIX — начале XX вв.) / Е. И. Нестерова // Россия и АТР. — 2011. — № 3. — С. 111—119.
30. Печерица В. Ф. Некоторые аспекты становления таможенной службы на Дальнем Востоке в начале XX в. / В. Ф. Печерица // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 1997. — № 1. — С. 120—125.
31. Печерица В. Ф. Таможенная политика на Дальнем Востоке в начале XX в. / В. Ф. Печерица // Учен. зап. Владивост. фил. Рос. тамож. Акад. — Владивосток, 1996. — Вып. 1. — С. 56—62.
32. Печерица В. Ф. К вопросу о закрытии порто-франко и отмене ст. 939 Устава Таможенного / В. Ф. Печерица // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 1997. — № 1. — С. 120—125.

33. *Печерица В. Ф.* Таможенная служба Дальнего Востока в годы революции и гражданской войны / В. Ф. Печерица // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2000. — № 2. — С. 94—109.

34. *Печерица В. Ф.* Очерки истории дальневосточной таможни. [В 2 ч.]. Ч. 1: 1899—1945 гг. / В. Ф. Печерица; Гос. тамож. ком. Рос. Федерации, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Рос. тамож. акад.». Владивост. фил. — Владивосток: ВФ РТА, 2002. — 168 с.

35. *Попенко А. В.* Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 — конец 20-х годов XX в.): моногр. [Текст] / А. В. Попенко. — Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2009. — 150 с.

36. *Синиченко В. В.* Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. — Иркутск: ВСИ МВД России, 2003. — 191 с.

37. *Сорокина Т. Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.) / Т. Н. Сорокина. — Омск: ОмГУ, 1999. — 263 с.

38. *Хроленок С. Ф.* Золотопромышленность в Сибири (1832—1917 гг.) / С. Ф. Хроленок. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. — 312 с.

39. *Хроленок С. Ф.* Китайские и корейские отходники на золотых приисках русского Дальнего Востока (конец XIX — начало XX в.) // Восток. — № 6. — 1995. — С. 70—81.

40. *Целищев М. И.* Экономические очерки Дальнего Востока. — Владивосток, 1925. — 128 с.

41. *Шелудько В. О.* Из истории полиции / В. О. Шелудько // Россия и АТР. — 2000. — № 3. — С. 106—112.

42. *Шинджеликашвили Д. И.* МВД царской России в период империализма. (Структура, функции, реакционная сущность, связи с другими министерствами): учеб. пособ. — Омск: Ом. высш. шк. МВД СССР, 1974. — 109 с.

Авторефераты диссертаций

43. *Соколенко А. В.* Взаимодействие органов и ведомств по обеспечению государственной безопасности России на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв.: борьба с иностранной разведкой [Текст] : автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 : защищена 11.05.2017 / А. В. Соколенко; [Хабаровский пограничный ин-т Федеральной службы безопасности РФ]. — Хабаровск, 2017. — 30 с.

Учебное издание

**Синиченко Владимир Викторович,
Полянский Иван Сергеевич,
Миклошевич Ксения Станиславовна**

**МВД РОССИИ
И МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В СФЕРЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Редактор
А. В. Андреев

Подписано в печать 01.10.2019

Усл. печ. л. 3,0

Тираж 50 экз.

Формат 60 x 84/16

Заказ № 52

НИ и РИО ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
ул. Лермонтова, 110